

ОН БРОСИЛ НАС
КОГДА БЫЛ
НУЖЕН

ТЫ НАМ (НЕ) НУЖЕН

АННА ГУР

Анна Гур

Ты нам (не) нужен

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69747454

SelfPub; 2023

Аннотация

– Ты нужен своей дочери, – заглядываю в дымчато-синие глаза сурового мужчины. Он смотрит на меня долго, пронзительно перед тем, как резко оглушить:– Хорошая попытка. Только ты не учла одного фактора, дорогая: я – бесплоден. Качаю головой. Марат был моим первым и единственным мужчиной, поэтому повторяю непреклонно:– Твоей дочери нужна твоя помощь, сделай тест ДНК, все, что угодно, только помоги... Слезы текут по щекам, когда миллиардер делает шаг ко мне, притягивает к себе и выдыхает в самые губы:– Если ты солгала – не пощажу, но если... если это правда, я заберу дочь. А ты вернешься в мою постель...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	12
Глава 3	19
Глава 4	24
Глава 5	35
Глава 6	45
Глава 7	72
Глава 8	84
Глава 9	94
Конец ознакомительного фрагмента.	101

Анна Гур

Ты нам (не) нужен

Глава 1

Оля

– Марат! Марат Умаров! Ты нужен своей дочери! – кричу во всю глотку и бросаюсь вперед, почти падаю и лечу к мужчине, который в этот самый момент замирает изваянием и резко разворачивается в мою сторону.

Огромный, в идеальном костюме, в дорогом кашемировом пальто, накинутом поверх широких плеч, почему-то взгляд цепляется за шелковый лиловый платок, элегантно выглядывающий из нагрудного кармана.

После моего крика кажется, что вся многолюдная улица центра замирает и превращается в один сплошной вакуум. Время словно замирает.

А я медленно бросаю взгляд на роскошную спутницу бизнесмена модельного вида, которая, вцепившись в руку Умарова, смотрит на меня как на червя, который вылез из-под земли.

Охранник терпеливо держит над ними большой зонт, который защищает от холодных капель, я же стою мокрая до нитки, дрожащая, потерянная, но голос мой почти не дро-

жит, когда, сцепившись с яркими глазами мужчины, я выговариваю со всем отчаянием:

– Твоей дочери нужна помощь!

Где-то вдали шваркает молния и гроыхает так, что уши закладывает, мой крик сливается с буйством природы и я затихаю, замираю.

Больше не делаю попытки приблизиться к миллиардеру, который смотрит на меня не мигая.

Ничего не вижу, дождь бьет по щекам, застилает взор, а еще мои слезы...

Их много, они текут ручьем, потому что я доведена до предела, потому что это последний шанс, самый настоящий прыжок в бездну.

Охрана Умарова обступает меня, а я глаз оторвать не могу от Марата...

Красивый. Я сразу же узнала его, как только увидела силуэт... Его невозможно забыть, его невозможно не узнать...

Один из самых богатых людей страны, тогда он еще не был председателем совета директоров “Газ-Евра”, сегодня советник президента, а кто-то говорит, что не просто советник, а друг и партнер...

Человек, обладающий безграничной властью. Он стоит у самого руля и решает, в какую сторону вести экономику не только нашей страны, но и мировую...

К такому человеку не подойти...

Я знала, на что шла, знала, что за подобное мне придет-

ся ответить, и сейчас, когда я встречаюсь с дымчато-синими глазами, я вижу в них приговор...

В первые секунды кажется, что мужчина меня даже не узнает...

Сколько таких девчонок с перебитыми судьбами было на его пути, сколько признавались мужчине в любви, и он выбрасывал их прочь без единого слова, без суда и следствия, без помилования...

В груди нестерпимо печет, как если бы рана раскрылась и начала опять кровить...

Никогда бы я не пришла к нему, никогда бы не умоляла, не валялась грязная и ободранная на мокрой мостовой...

Но жизнь... она заставила... точнее, диагноз моей дочери...

Моей крошки... Моей Миры... Неспроста я выбрала это имя, ведь она действительно для меня стоит целого мира...

И если ради нее мне придется сегодня умереть – значит, так тому и быть...

Один кивок Умарова и его охрана приходит в движение. Секундное замешательство проходит, а я стою не шелохнувшись, застываю на месте, готовая принять свою участь и наказание, все, что угодно, только бы моя дочь была спасена...

Где-то опять вспыхивает проблеск молнии, но спустя долгую секунду я понимаю, что это уже не молния, ожил какой-то репортер, затерянный в толпе, и решил запечатлеть новость, которая может облететь все новостные ветки и на-

делать шума...

Вернее, могла бы... но уже через доли секунд в эту сторону наперерез двинулись несколько мужчин в костюмах...

До слуха доходит вскрик и грохот...

Понимаю, что камера разбита и свидетельство моего появления уничтожено, прикидываю, сколько секунд осталось мне на жизнь...

Ведь Марат не умеет прощать. Мне ли не знать, на что он способен...

Еще один взгляд Умарова и рука охранника ложится на мой локоть. Мужчина не смотрит на меня, он смотрит на Марата, ждет его решения, как, впрочем, и я...

Кричать и истерить больше смысла нет, Марат услышал то, что я хотела ему сказать, а точнее, мне многое нужно бы рассказать, но все слова также сведутся к одному...

Марат Умаров нужен моей дочке...

Он нам нужен...

Не мигая, смотрю в сторону Умарова, картинка размазывается, а дрожащие губы шепчут одно-единственное слово:

– Прошу... прошу... пожалуйста...

Я умоляю... беззвучно. Со слезами, которые текут по щекам, а Марат...

Он смотрит на меня, не выпускает из плена своих дымчатых глаз и, наконец, слегка кивает охраннику в сторону припаркованного огромного автомобиля представительского класса.

Мужчина приходит в движение и тянет меня в эту сторону, толпа людей словно прекращает замечать меня, словно кто-то грозный и страшный дал им всем приказ не замечать, не видеть отчаявшуюся девушку в насквозь промокшем пальто.

Охранник Умарова ведет меня, обходит лужи, а я семеню за ним на негнущихся ногах, на каблучках, которые не по сезону, и утопают в воде так, что все хлюпает.

Меня потряхивает от пережитого, адреналин течет по венам и напивывает, заставляет держаться из последних сил.

Дверь премиального седана открывается и меня, не особо церемонясь, закидывают в теплое нутро автомобиля, в котором пахнет сандалом и лаймом...

Его любимый аромат...

На мгновение прикрываю глаза, делаю вдох, чувствую, как у меня все внутри отравляется от воспоминаний, от терпкого вкуса на губах...

Этот запах... Его запах... Его энергетика...

Мужчины, который уничтожил меня, который выкинул меня из своей жизни, не поверив, что я забеременела от него...

Хотя он был моим первым, единственным, а я...

Я слишком любила и была глупа.

Для Марата Умарова я была лишь развлечением, девочкой, которая скрашивала его жаркие ночи, которую он приучал к себе, к своему буйному нраву, к сексу, который длит-

ся до самого утра...

Веки обжигает от непролитых слез, воспоминание врежется в мысли и травит душу.

– Марат... любимый...

Бегу навстречу мужчине, падаю в его руки...

Обнимает, целует так, что дух захватывает.

– Скучала, маленькая? – задает вопрос в мои губы, пока крепкие руки цепляют меня за попу и поднимают, заставляют оседлать мощные бедра мужчины и прочувствовать, как сильно его тело откликается на нашу близость.

Марат целует так, что я дышать перестаю, висну в его руках, пока его ладонь зарывается в мои светлые прядки, натягивает.

Не выдерживаю такого натиска, цепляюсь за мощные плечи, радость внутри меня и эйфория придают сил, чтобы чуть-чуть отстранить мужчину.

Смотрю в дымчатые глаза. Провожу пальчиками по покатым твердым плечам, синяя шелковая сорочка невероятно подходит Умарову. Его темно-каштановые волосы с щепоткой золота зачесаны назад, а пронзительные сине-серые глаза, кажется, сейчас смотрят прямо мне в душу.

Красавец мужчина. Он как на контрасте. Светлые глаза, смуглая кожа и золотистый цвет волос, у него в предках зацелась славянская кровь. Мама блондинка оставила свой след во внешности восточного мужчины.

Я глаз оторвать не могу от красавца, который стал моим

мужчиной.

До сих пор не верю, что сказка стала явью...

– Что, маленькая? – задает вопрос и улыбается.

Редкое явление. Обычно эти суровые пухлые губы с четкой белой каймой по контуру сжаты. Тяжелый, будто срезанный подбородок вскинута, и взгляд с прищуром из-под широких бровей заставляет всех опасаться разгневать бизнесмена.

Но со мной Марат другой...

С самой первой нашей встречи, когда глаза встретились, я испытала трепет и страх, а еще пульсацию в животе, словно все бабочки вмиг ожили и принялись летать...

Тогда впервые он мне слегка улыбнулся, я улыбнулась в ответ и показалось, что мир стал светлее...

– Скучала, Олечка?

А я ответить не могу. Сердце стучит гулко, громко, счастливо.

Скучала. Сильно. Очень.

Но эти слова я произношу мысленно, сама же заглядываю в породистое лицо моего мужчины, хочу запечатлеть момент. Самый важный. Самый счастливый в моей жизни.

Рассматриваю тяжелый подбородок и ямочку аккурат посередине. Прямой нос с легкой горбинкой, острые скулы, щетину на щеках, на которую ложатся мои пальчики, и хочется прикрыть глаза от сладких ощущений...

Потому что я помню, какие следы она оставляет на моей

нежной коже, когда Марат целует...

Опять смотрю в его глаза... такие необыкновенные, глубоко посаженные под широкими веками.

Взгляд у Марата цепкий. Оценивающий. Даже сквозь смешинки, которые словно вспыхивают на дне радужки, когда он со мной.

– Почему молчишь, маленькая? – обнажает белоснежные зубы, и я улыбаюсь робко в ответ.

Наконец, выдаю свою тайну, делюсь своим неожиданным и нежданным счастьем:

– Я беременна...

Глава 2

Чувствую, как Умаров каменеет. Мускулы под моими ладошками становятся не просто литыми, по ощущениям – титан.

Неожиданно его пальцы разжимаются, я медленно соскальзываю по крепкому телу и неуклюже становлюсь на ноги. Задираю голову, чтобы смотреть в глаза любимому, не понимаю, почему лицо мужчины темнеет, а глаза...

Его дымчатые глаза подобно густому туману становятся беспросветными. Пустыми. Холодными. Они пронизывают. Отталкивают льдом, который словно крошится в изломах сетчатки.

– Рат... что... что... такое?

Задаю вопрос и заламываю руки на груди. Чувствую, как все меняется на подсознательном уровне. Даже воздух вокруг нас словно густеет.

Новость про мою беременность меня ошарашила. Еще утром, когда поставила тест и увидела две полоски, поверить не могла, что случилось...

Сидела в туалете и сжимала в руках ответ. Чувства нахлынули разом. Смятение. Сомнение. Непонимание.

Но затем в глубине души вдруг появилось четкое осознание, что я хочу этого ребенка, что это самое лучшее, что слу-

чилось со мной, что могло случиться...

Ребенок от любимого мужчины... малыш... это ведь дар... чудо...

– Ты мне ничего не скажешь? – шепчу тихонечко, голос дрожит, а я глаз оторвать от Марата не могу.

К горлу подкатывает ком, какое-то страшное предчувствие заставляет сердце биться с перебоями, в глаза почему-то щиплет... и ощущение чего-то страшного... оно накрывает...

Интуиция буквально кричит о том, что что-то не так... Что-то происходит не так!

И уже в следующую секунду, подобно пулеметной очереди, в меня летят слова. Жестокие. Резкие. Оглушительные.

– Вон пошла из моего дома!

Отшатываюсь от Марата, словно по лицу получаю.

– Ч-что? – шепчу одними губами.

Мой голос слышится жалким, жалобным писком, в то время как мужчина напротив хмурит широкие брови и повторяет грозно, с расстановкой:

– В-о-н!

Чеканит слово. Холодный. Равнодушный. А я до конца понять не могу, что именно слышу, словно в шок попадаю, моргаю пару раз и уже в следующую секунду Марат от меня отходит, а я смотрю на его широкую спину, на то, как достает телефон из кармана, как проводит по экрану разблокировки и делает вызов.

Все происходит с задержкой. Я заторможенно наблюдаю, в то время как чувствую, как падаю куда-то глубоко-глубоко в яму черную и беспросветную.

Там, где еще сегодня утром цвела любовь, кажется, цунами проходит, выгорает все, покрывается глубокими расщелинами, колючими, рваными.

Сердце пропускает удар. Болезненный. Словно кровью изнутри обливаюсь в то время, как продолжаю молча стоять и смотреть на Умарова.

– Охрану сюда, – слышу равнодушный голос, а у меня горчит во рту, и я с трудом понимаю, что прикусила язык до крови.

Тошнота подкатывает к горлу, перед глазами все плывет, но я заставляю себя выстоять, не упасть, не удариться в истерику.

Спустя мгновение в зал входят высокие мужчины, которые еще недавно охраняли меня, пока Марат был в отъезде.

Умаров подходит к бару и наливает себе в граненый бокал, делает неспешный глоток.

За мгновение становится чужим. Нелюдимым. Между нами словно стена вырастает. Я буквально вижу, как она выстраивается кирпичик за кирпичиком. Непроходимая преграда, которая отделяет нас друг от друга...

Стена из его презрения и моей обиды.

Отворачивается, чтобы забрать бутылку, а мне так и хочется прокричать в эту широкую спину:

– За что?! За что ты так со мной?! Что я тебе сделала?! Ты не хочешь детей? Моя беременность нежелательная?! Чем я так провинилась перед тобой?!

Но я молчу. Все еще не понимающая до конца, в лапы к какому монстру действительно попала.

Перевожу взгляд на мужчин, которые застыли в ожидании распоряжений своего босса. На лицах у них пустота. Ни единой эмоции. Ничего. Машины. Дай им Марат сейчас команду растерзать – исполнят. Наверное...

Еще один бокал приговорен, и Умаров резко разворачивается, бросает на меня ледяной взгляд, испепеляющий просто.

Чужой. Не мой больше. Тот самый Марат Умаров, имя которого наводит ужас на всех... на всех, кроме меня... до вот этой самой секунды...

Опять наши глаза сталкиваются и озноб бежит по коже, когда я слышу ледяной голос бизнесмена:

– Убрать ее отсюда. Чтобы ноги ее не было. Если еще раз увижу – головы полетят с плеч у вас.

Моргаю. Не понимаю смысла сказанных слов.

Боль... она подкатит потом, потом она будет выворачивать душу наизнанку, а сейчас я просто моргаю заторможенно и двое охранников бесшумно двигаются в мою сторону, оказываются рядом.

– Собери свои шмотки. У тебя десять минут. Промедление будет стоить дорого.

Холодный, пронизывающий голос, от которого мурашки расползаются по коже. Еще недавно этот голос заставлял трепетать, а сейчас он жалит льдом.

Смотрит на меня и бокал ко рту подносит, а я почему-то на ногти его смотрю, аккуратные лунки, широкие, ухоженные. Силы в них немерено и почему-то кажется, что Умаров сдерживает себя, чтобы руку в кулак не сомкнуть и не разбить бокал на множество мелких осколков.

Широкий ободок золотых часов сидит на запястье как влитой, а я замечаю, как на тыльной стороне ладони вены вздуваются.

– Уходи. Уходи и не возвращайся. Никогда. Если жизнь дорога. Дважды повторять не буду.

Обрубает, наконец, останавливает на мне пустой взгляд, и я вздрагиваю. Не лжет Марат Умаров. Моя жизнь... Он вполне может ее отнять, а я все в его лицо смотрю с крупными, выразительными чертами, с широкими скулами, которые так выгодно подчеркивает щетина. На мелкие морщинки в уголках глаз, которые появились благодаря тому, что у Марата привычка прищуриваться...

Киваю на его слова. Говорить не могу. Опять делает глоток. Скидывает с себя пиджак и остается в жилетке, которая обхватила широкий торс с литыми мышцами поверх синей сорочки.

Шикарный мужчина. Красивый. Мужественный. И такой холодный. Черствый.

– Десять минут, – выговаривает уже глядя на охранника, информирует своего цепного пса, отворачивается, уходит, прихватив с собой бутылку.

А я...

Я остаюсь стоять полностью убитая, растерзанная Маратом Умаровым. Все это время мне казалось, что я что-то значу для этого мужчины. Даже больше, глупой девчонке казалось, что черствое сердце Рата растаяло и он полюбил...

Дурочка. Наивная. Строящая мечты относительно того, чего быть не может...

Слезы обжигают, текут по щекам. Кто-то из охранников подталкивает меня в спину, молчаливо приказывает поторапливаться.

Я двигаюсь словно робот, на автомате, как заведенная кукла, поднимаюсь в спальню и смотрю на кровать королевских размеров, укрытую светлым покрывалом.

Больно. От воспоминаний, которые обжигают своей порочностью, мотаю головой и достаю свои вещи из шкафа. А дальше...

Что и как делаю, не помню. Просто вышибает память, нахожу себя уже потом, когда мужчины с нейтральными лицами сажают меня в желтую машину с шашечками и передают мне мои вещи в единственном чемодане.

Я даже не знаю, не помню, что именно туда накидала.

Один из высоких широкоплечих секьюрити, которым Умаров не уступает в размахе и ширине плеч, нагибается к

окну такси и сует мне в руки пухлый конверт...

– Босс приказал передать. Сказал, вы знаете, что делать, – выговаривает нейтральным тоном и выпрямляется.

Глава 3

Охранник ударяет пару раз по крыше автомобиля, дает команду водителю, чтобы уезжал, и такси срывается с места, а я в ступоре смотрю на конверт. Сжимаю пальцы, ощущая толстую твердость. Интуитивно понимаю, что там может быть пачка купюр.

Но я все-таки надеюсь, что там письмо, какая-то записка, объясняющая мне что-то...

Пальцы дрожат, когда открываю. Секундное замешательство и конверт выскальзывает из моих дрожащих пальчиков, падает на колени, отдергиваю руки, словно там ядовитая змея притаилась...

Слезы все так же стоят в глазах. Моргаю пару раз, чтобы прогнать пелену. До сознания с горечью доходит, что ни на какие письма надеяться не стоит. Объяснений от Марата не будет. О чем вообще речь?!

В конверте деньги... Много денег... Марат не поскупился...

В ушах стоит голос охранника:

– Вы знаете, что делать...

А вот и не знаю! Не понимаю! Зачем мне эти деньги?! За что мне заплатил Умаров?

Тру лицо, мозг отказывается воспринимать ситуацию и давать ответы. Меня парализует. Шок не проходит.

И спустя только время в сознании всплывает ответ. Ядовитый. Выворачивающий душу наизнанку: в конверте деньги на аборт. Вот что это такое...

Эта догадка ударяет сильнее, чем все, что было до нее. Боль оглушает. Розовые очки ломаются, как это принято говорить: стеклами во внутрь, а я наконец-то понимаю, что безжалостное чудовище просто игралось в любовь и, выпотрошив меня, выкинуло очередную игрушку на улицу...

Понимаю, что ничего от Марата Умарова мне не нужно! И ребенок! Он только мой! И мы... мы справимся... обязательно...

Открываю окно, чтобы выкинуть конверт. Мысленно вижу, как крупные купюры летят на мостовую, подхватываемые ветром, заворачиваются вихрем и улетают...

Но в последнюю секунду разум включается. И я прикрываю глаза, сжав конверт ледяными дрожащими руками.

Горечь во рту не проходит... Девчонка без всего. Без надежды на будущее... С маленьким ребенком на руках...

Слезы все катятся, а у меня словно инстинкт включается. Я сжимаю конверт сильнее и распахиваю глаза.

Решение приходит само, словно кто-то нашептывает мне на ухо. Ангел, который бережет моего малыша...

Кладу руку на живот и прикрываю веки, откидываюсь на сиденье.

Ты нам не нужен, Марат Умаров, не нужен... Раз мы не нужны тебе... Ты дал мне денег на аборт, и я их приму. На-

ступлю на горло своей гордости. Возьму от тебя эту щедрую подачку. Но не для того, чтобы убить нашего ребенка. Нет. Не зная того, господин миллиардер, ты поможешь моему малышу родиться на свет...

Из горьких воспоминаний меня выбивает щелчок двери и автомобиль ощутимо садится, принимая в себя немалый вес крупного мужчины.

Салон словно сразу же уменьшается. И аромат мужчины забивается в ноздри. Узнаю его парфюм. Терпкий. Острый. Холодный. Так невероятно подходящий ему...

Марат какое-то время сидит молча, не спешит начинать разговор, словно меня и нет вовсе. Отсчитываю несколько ударов сердца прежде, чем Умаров поворачивает голову в мою сторону, и я встречаюсь с чуть прищуренными сапфировыми глазами.

Невероятно холодными. Отталкивающими. Пугающими своей беспросветной глубиной. Безразличный и опасный. Смотрит равнодушно-оценивающе.

Лицо без эмоций. За то время, что мы не виделись, Марат изменился, стал более матерым, жестким, он добился невероятных высот. А я... я жила дочкой...

Воспоминания о моей крошке придают сил, чтобы не сломаться под безмолвным давлением мужчины.

Марат смотрит на меня и лицо у него ничего не выражает, ледяная маска, за которую не пробиться. Только взгляд цепкий какой-то, пронзительный, не отпускает. И мне хочется

сжаться в комочек, или открыть дверь и бежать куда подальше от бесчувственного жесткого мужчины, и если бы не моя Мира, я так бы и сделала...

Если бы не недуг моей, крошки я бы никогда не подошла к человеку, который нанес страшнейшую из ран...

Рану, которая не затянулась, которая кровит, и я, как раненая волчица, все зализываю ее с тех самых пор, как Умаров выгнал меня...

Вот и сейчас я обнимаю себя руками, закрываюсь, в то время как Умаров сидит ровно, с развернутыми плечами. Ему бы подошло быть генералом, выправка будто армейская. Даже сидя он возвышается надо мной подобно черной скале.

Молчание длится и длится, а может, проходят всего секунды, я словно застыла в моменте, Умаров же бросает на меня оценивающий взгляд, который я не могу распознать, осматривает с ног до головы, и я понимаю, в каком виде предстала перед мужчиной. Не красавица. От подобного осмотра со стороны миллиардера у меня кровь к щекам приливает, даже уши печет и хочется забиться в самый дальний угол салона, чтобы дистанцироваться, чтобы справиться с теми чувствами и воспоминаниями, которые жалют больно. От уверенности в собственных силах не остается и следа. И это все он делает одним лишь взглядом. Не произнеся ни слова.

Обида гложет и мне не о помощи просить хочется, а накинуться и расцарапать это надменное лицо в кровь...

Наконец, Умаров с равнодушным видом вскидывает

бровь и выдает с нажимом:

– Просветишь, о какой дочери речь?

Глава 4

Если бы мог заморозить, испепелить одним взглядом, то я бы сейчас, наверное, превратилась в ледышку, на меня словно азот прыскают, и кожа холодеет, покрывается мелкими глубокими трещинками.

Страх сковывает, а безэмоциональная сухость мужчины лишь усиливается. Обрушивается на меня.

– Я жду ответ, – выдает скупое.

Меня лихорадить начинает, бросает в жар и, может быть, я все же заболела, продрогла, пока стояла на ветру. Передергиваю плечами. Я промокла до нитки и одежда, прилипшая к коже, вызывает озноб.

Несмотря на то, что в салоне тепло, согреться никак не получается. Кажется, скоро зубы стучать начнут.

Марат скользит по моей фигуре оценивающим взглядом, хмурит широкие брови, явно замечает мое состояние.

Стучает по клавише рядом со своим сиденьем, и я ощущаю, что кондиционер начинает продувать салон гораздо более теплым воздухом.

– Ты тратишь мое время, Ольга.

Выдает все так же без особых эмоций. Явно демонстрирует, что не верит мне, а я неожиданно для себя замираю. Так странно, что он имя мое помнит, было бы логично, если бы Умаров стер в тот далекий день меня из своей жизни и из

памяти, как и я попыталась забыть его, вычеркнуть, ампутировать, подобно опухоли...

Да, я пыталась, но ожог был слишком сильным, такое с легкостью не забыть...

Насколько мне это удалось, думать не хочу, потому что не было дня и ночи, чтобы я не вспоминала о той боли, которую причинил мне этот мужчина...

– Повтори, что ты кричала на улице... – в голосе слышны стальные нотки.

Опускаю взгляд на собственные пальцы, сцепленные в замок, побелевшие. Собираюсь с мыслями и поднимаю голову, чтобы столкнуться с оценивающим взглядом Марата Умарова.

Темно-синие глаза смотрят с нажимом, заставляют чувствовать себя не в своей тарелке, но я знаю, зачем я здесь. Этот мужчина мне нужен как никто другой!

Только он может помочь моей малышке, только он...

Ее отец...

– Я жду, Ольга.

Проговаривает жестко, словно наотмашь ударяет. Я все это время, пока страдала и училась жить без него, думала, он и имени моего не вспомнит. И сейчас опять... слышу собственное имя из уст моего бывшего...

Он так ярко показывает, что не забыл, что с памятью у Умарова все в порядке...

Зачем забывать ту, которая и не стоила ничего... Это я

бы душу отдала, чтобы стереть его, я имя его произнести не могла до сегодняшнего дня, а он и не забывал, да ему плевать просто.

Столько времени прошло, он ведь и не интересовался мной... нами...

Со связями Умарова узнать, что со мной стало – вопрос пяти минут, но ему было наплевать...

Все это время он жил, поднимал бизнес, начал все чаще мелькать на экранах телевизоров, а я... Стоило включить новостную ленту и увидеть лицо моего бывшего первого мужчины, как у меня живот сводило...

Беременность протекала сложно, тяжело, и помню, как впервые его увидела, когда бездумно каналы крутила.

Кадр. На весь экран. Его лицо...

Лицо мужчины, которого я так безумно любила...

И которого пыталась вычеркнуть из своей памяти...

Мне словно нож в сердце вонзили и провернули безжалостно. Невыносимо больно, обидно...

Он стоял у трапа своего джета и давал интервью, а я смотрела... смотрела на красивое отчужденное лицо, слышала голос и слезы текли ручьем.

Тогда впервые моя малышка толкнулась... Словно отреагировала на мою боль и... своего отца... отца, которого она лишилась таким жестоким способом, еще до своего рождения...

Он отказался от нас. Помню, как положила дрожащие

пальчики на круглый животик и проговорила с улыбкой:

– Мы справимся, все будет хорошо... все обязательно будет хорошо... он нам не нужен, родная... не нужен...

– Мое время слишком дорого стоит, чтобы тратить его впустую, – повторяет, явно теряя терпение, а меня словно дубиной по голове ударяют.

Умаров мне не верит. Я его время трачу...

Его время...

Что-то внутри меня словно набирает обороты. Злость. Ярость. Будто торнадо проходится, и я выдыхаю с отчаянием:

– Впустую, господин Умаров?!

Поднимаю голос. Ко мне будто силы приходят. Злость добавляет адреналина, и я подаюсь вперед. Боже, я готова подраться, вцепиться в это лощенное лицо и прокричать.

– Впустую?! Боже...

Мотаю головой... Поверить не могу, что это все происходит наяву....

– Я о твоей, еще раз – о твоей дочери говорю, Умаров!

Прищуривается и поднимает уголок губ в странной ухмылке. Окидывает меня оценивающим взглядом, задерживаясь на коленках в капроновых колготках, сразу же одергиваю юбку.

– Как интересно, – выдает иронично, – прямо-таки моей?

Вроде и в голосе слышны лукавые нотки чистого превосходства человека, уверенного в своей власти, но есть там что-

то еще...

Но кроме иронии я буквально кожей ощущаю его злость, вижу, как напрягается лицо, фиксирую, как на дне глаз словно искры вспыхивают, и почему-то кажется, что для того, что не пришибить меня сейчас, Умаров все силы прикладывает.

Огромный. Мощный. Матерый. Марат именно такой. Многие стараются надеть на себя маску успешного бизнесмена, пытаются играть роль, но он лидер по своей сути. Энергетика, власть, которой он обладает, и круги, в которых вертится...

Именно поэтому он должен помочь моей крошке, потому что Марат Умаров почти всесилен...

– Да. Твоей дочери. Нашей. Дочери! – чеканю слова и не отвожу взгляда.

Если он меня сейчас убьет, то пусть так, я все равно погибну без своей доченьки. Она единственный якорь, за который я держалась все это время...

Все пережитое наложило на себя отпечаток и сегодня, когда шла к Марату, я понимала слишком четко, что финал у меня может быть любой.

Однажды узнав о моей беременности, он выкинул меня на улицу, а что он может сделать сейчас...

Стоит только этой мысли поселиться в мозгу, как тело начинает колотить со всей силы.

– Да, твоей. Марат. Ее зовут Мира. Эта девочка твоя точная копия с дымчато-синими глазами и она нуждается в те-

бе, ты ей нужен, Марат!

Пока говорю, из глаз начинают хлестать слезы, голос дрожит, но Умаров даже бровью не ведет.

У меня сердце переворачивается, интуиция кричит о том, что моя жизнь и жизнь моего ребенка сейчас висят буквально на волоске. Все же Марат слишком влиятельный. Такой вершит судьбы по щелчку пальцев.

От мыслей, от перенесенного стресса грудь начинает вздыматься, облизываю пересохшие губы, в то время как мужчина отслеживает этот жест, который не несет никакого сексуального подтекста, но в глазах Марата словно искра вспыхивает.

Скала. Глыба. Непробиваемая. Не могу понять, почему он такой. Почему я не могу достучаться до него?!

Сжимаю кулаки, понимаю, что до Умарова очень сложно достучаться, а я не теряю надежды, подаюсь вперед и заглядываю в его глаза. Если могла бы, схватила бы его за руку, но не решаюсь. Прикоснуться к Марату – смерти подобно.

Каждое прикосновение – ожог, который остался отметкой на моем сердце. Но я не теряю надежды, делаю вдох, как перед прыжком с парашютом, и иду до конца:

– Я прошу тебя помочь маленькой девочке, Рат, – осекаюсь, назвав Умарова сокращённым именем. Когда-то в прошлой жизни я была самой счастливой и звала этого мужчину именно так.

– Почему ты решила, что ей могу помочь только я?! День-

ги нужны? Так ты мне чужих детей не навязывай, я и благотворительностью занимаюсь. Оставила бы заявку моему секретарю, тебе бы помогли...

Подается вперед и неожиданно ловит меня за дрожащую ледяную руку. Обжигает своим прикосновением. Будто кипятком ошпаривает, сжимает сильно, мне кажется, что у меня сейчас кости раскрошатся от этого касания, от боли, которая проходится по венам.

– Зачем ты мне лжешь?! Зачем?! Я же сказал тебе, что если еще хоть раз увижу...

Спрашивает задумчиво, а в глазах такая пустота, не шутит он. И убить может. Есть в нем эта решимость. А я не выдерживаю, голос срывается, когда выдыхаю едва слышно:

– Потому что ты ее отец!

Умаров резко подается ко мне, пятерня впивается в мои влажные волосы, натягивает так, что у меня искры из глаз сыплются. Неожиданно понимаю, что я птичка в клетке, в силках, которые в любой момент могут схлопнуться, раздавить.

Его вдруг становится слишком много, горячее дыхание обжигает мои губы, а пальцы в моих волосах сжимаются все сильнее, показывая мне, что Марат вулкан, умеющий идеально держать свой характер в узде, не показывать того, что происходит под холодной коркой айсберга.

– О-л-я, – тянет мое имя, и пальцы сжимаются сильнее, обжигающие слезы падают с ресниц, когда кричу в это над-

менное лицо со всей силы:

– Ты ее отец! И я пришла к тебе только потому, что дочке нужен твой биоматериал! Мой не подходит! Понимаешь?!

Молчание. Тишина. Вязкая. И взгляд. Глаза в глаза. Отпускает меня, и я валюсь обратно на удобный кожаный диван, забиваюсь к двери, встречаясь с тяжелым взглядом мужчины.

Меня потряхивает. Сильно. Так, что зубы стучать начинают. Я уже не понимаю, это от холода или нервы сдают окончательно.

– Повтори, – выдает с нажимом. Смотрит так, что у меня сердце останавливается. Такой красивый сейчас, похожий на статую, на него смотреть больно, ненавидеть этого мужчину и находиться рядом с ним невыносимо. Адски тяжело вдохнуть, потому что до обоняния доходит его одуряющий запах, который сейчас вызывает лишь мучение.

Отворачиваюсь к окну, забиваюсь в самый угол и смотрю в окно, не могу больше видеть Умарова. Все в душе переворачивается.

Не трогает меня, молчит, выжидает, а у меня рыдание в горле застревает, когда говорю страшное:

– Врачи говорят, что есть вариант, что мою девочку все еще можно спасти. У нее есть шанс побороться и победить. Вернуться к нормально жизни! Мои анализы показали, что я не подхожу, так бывает, а очередь, в которой мы стоим... ждать долго, не вариант... врачи сказали, что есть вероят-

ность, что биоматериал отца может спасти дочку, что гены отца лучше подойдут!

Выдыхаю рыданием, плечи дрожат, холод сковывает изнутри, когда ощущаю, как Умаров тянет меня за локоть, заставляет обернуться и столкнуться взглядом.

Надменная маска мужчины, сидящего передо мной, словно дрогнула. Марат моргает. Фокусирует взгляд на мне и медленно подается вперед. Вмиг салон автомобиля кажется каким-то слишком мелким, а его атмосфера удушающей...

Тяну ладошку к горлу, словно пытаюсь прикрыться, защитить себя от огромного мужчины, который нависает надо мной, в то время как я лопатками упираюсь в диван.

Пытаюсь увеличить между нами дистанцию, но не получается.

Неожиданно в ноздри забивается запах мужчины. Му-скусный. Пряный, припорошенный изморозью и словно пропитанный дождем.

– Оля... – выдыхает мне в лицо и обдает жаром дыхания, рука отпускает мои прядки и скользит вниз, пропускаю сдавленный выдох, когда Марат ловит меня за шею и фиксирует сзади, не дает возможности уйти от его настойчивого внимания. Смотрит сначала в один мой глаз, затем в другой.

– Ты понимаешь, с каким огнем сейчас играешь?! – проговаривает хрипло, голос у него вибрирует, переходит в рык, как у самого настоящего зверя, коим и является Марат Умаров.

– Понимаю, – отвечаю твердо, и я говорю чистую правду...

Наклоняет голову подобно хищнику, взгляда от меня не отрывает.

– Ты нужен своей дочери, – заглядываю в дымчато-синие глаза сурового мужчины. – Не пришла бы я к тебе, не умоляла бы о помощи, но у меня просто нет другого выхода. Ты – отец Миры и только ты в состоянии спасти мою девочку...

Последняя фраза вылетает хрипом, ком в горле становится. Хочу отвернуться, но сильная рука держит цепко, не отпускает. Заставляет смотреть в свои глаза, где в расширенных зрачках я отражение свое запуганное, растрепанное вижу, вязну, как в черном болоте, оторваться не могу.

У меня дыхание становится тяжелым, частым, сердце заходится в страшном ритме, кажется, что ребра проломит.

Дрожу в этих знакомых руках, сильных до невозможности, и на лицо его бледное смотрю, когда приникает совсем близко, а я чувствую, что сдерживает. Себя сдерживает, чтобы не воплотить то, что обещал, ведь предупреждал Умаров, чтобы не попадалась ему на глаза. Неспроста...

– Я не лгу, Марат, как и тогда не лгала, – делаю еще одну попытку добиться отклика, а он смотрит на меня долго, пронзительно, пока, наконец, не выпускает из рук, не одергивает манжеты сорочки на широких запястьях перед тем, как оглушить резко:

– Хорошая попытка. Только ты не учла одного фактора,

дорогая, я – бесплоден.

Оглушает новостью. Бесплоден...

Выдыхаю удивленно, с трудом понимаю, что он мне сейчас сказал.

– Бесплоден, – повторяет, будто приговор озвучивает. У него лицо каменеет, глаза становятся лютыми, дикими.

Он меня лгуньей считает. Не верит...

Глава 5

– Что, Оленька, не ожидала?! – улыбается, но улыбка эта на оскал смахивает, злой, демонический.

Качаю головой. Марат был моим первым и единственным мужчиной, поэтому повторяю непреклонно:

– Твоей дочери нужна твоя помощь, сделай тест ДНК, все, что угодно, только помоги...

Сцепляю руки в молебном жесте, заглядываю в его глаза, он мой единственный шанс, и я не могу позволить себе проиграть.

– Я бы не пришла сюда, Марат, не просила бы, если бы была хоть толика сомнения в том, что именно ты ее отец...

Отворачивается от меня, смотрит на переднее сиденье, явно раздумывает, а я не могу глаз оторвать от его профиля, от жестких линий.

На что может пойти мать, чтобы спасти своего ребенка?

Наверное, на все...

Поэтому я даже себе не верю, когда голос свой слышу, не верю, что я говорю все это Умарову.

– Ты был моим первым мужчиной, Марат, и ты остался единственным... Мира твоя дочь... и если ты ей не поможешь...

Не успеваю договорить, меня буквально сметает, рывком приближает к себе, пальцы впиваются в мою руки, больно,

очень больно.

В глаза его смотреть и видеть ледяное презрение, которое трескается, прищуривается, не может мне поверить.

Слишком уверен в своем диагнозе.

– Ты понимаешь, что ты творишь, маленькая? – рычит практически.

И я лишь киваю, потому что пришла к нему, зная наперед, в какую бездну попаду, упаду на самое дно, потому что это больно... это невыносимо больно смотреть в лицо мужчины, которого поклялась ненавидеть, и знать, что твоя жизнь и жизнь самого дорогого существа на свете зависит от его решения.

– Значит, ни с кем, кроме меня?! – выдает с нажимом и в глазах что-то темное проскальзывает, опасное, яростное.

– Ни с кем, – повторяю отчаянно.

Так никого к себе и подпустить не смогла, всех с ним сравнивала, да и откуда у одинокой молодой мамочки время на свидание и на мужчин?!

Все было посвящено Мире, да и всех, кто появлялся, с Маратом сравнивала на подсознательном уровне и все они проигрывали, уступали.

Опять тянет меня к себе, смотрит так, что душу наизнанку выворачивает.

– Ты ведь знаешь, что с тобой будет, если ты солгала...

Говорит совершенно спокойно, с решимостью человека, у которого оружие в руках и палец на спусковом крючке.

– Я не лгу... Боже, зачем?! Зачем мне лгать тебе, Умаров?! Я ведь не самоубийца... Неужели так сложно поверить?

Повторяю тихо, но решительно, а сама чувствую, как его пальцы мне кожу жгут, как посылают мурашки, каждый вдох с трудом дается, а по венам словно бурлящий кипяток течет, я не могу взгляда оторвать от Марата.

Цепляюсь за его руку и отодрать от себя пытаюсь, потому что его прикосновение невыносимо...

Слишком остро, ярко, порочно... Много воспоминаний... Они обрушиваются на меня безжалостной лавиной...

И сейчас чувствовать его рядом, как приближает ко мне свое лицо настолько, что я вижу крапинке на радужке.

Его пальцы впиваются все сильнее, рука ложится на мое бедро, скользит под юбку, задирает, дергаюсь в его руках, судорожно всхлипываю и сжимаю ноги.

Впервые меня вот так мужчина касается за столько времени, хуже, впервые меня Марат касается и как раньше, как тогда, когда я счастлива была...

Нависает сверху, а я сопротивляюсь, дергаюсь, если раньше это касание вызвало бы водоворот чувств, когда я сама бы прильнула и бесстыже потерялась, вызывая собственную дрожь, то теперь я замираю в руках Умарова птичкой, у меня позвоночник ломить начинает, а дымчато-синие глаза внимательно следят за моей реакцией на свое горячее прикосновение.

Он и раньше любил смотреть на меня, не позволял эмоции свои таить, выводил на чувства и пожирал их своим горящим взглядом, но сейчас...

Сейчас все иначе и на дне его зрачков холод и неверие.

– Прекрати, Марат! Не мучай меня! Я говорю правду...

Шепчу дрожащими губами, бизнесмен голову наклоняет к плечу, смотрит на меня с задумчивостью.

А я понимаю, что он сам с собой сейчас борется. И я надеюсь, что он все же решит дать себе шанс, засомневается хотя бы настолько, что согласится сделать чертов тест на совместимость!

– Прошу, Марат, пожалуйста...

Выдыхаю едва слышно. Больше мне нечего сказать. Остается только надеяться. Слезы текут по щекам, когда миллиардер притягивает к себе еще ближе и выдыхает в самые губы:

– Если ты солгала, Оля – не пощажу, но если... если это правда, я заберу дочь. А ты вернешься в мою постель...

Голос ледяной, решительный, а я чуть сознание не теряю.

Хлопаю пару раз глазами. В себя прийти пытаюсь, переварить услышанное. Не получается.

– Ты... ты отберешь у меня дочь? – повторяю ошалело, не могу поверить, не могу принять то, что происходит.

Но Марат будто теряет ко мне интерес, отпускает меня, больше не давит своей энергетикой, не продавлирует своим напором. Отпускает, а я ощущаю, что холодно. Он словно

все тепло забрал, которое только что так щедро дарил.

Опасный мужчина. Каменный. Не умеющий прощать...

– Где девочка? – спрашивает отстраненно, а я открываю рот, ловлю воздух и чувствую, как задыхаюсь.

Мне словно ножом сердце полосуют. И этот вопрос. Произнесенный так равнодушно, так отстраненно.

Прикрываю веки, переживаю свои эмоции, переживаю тот тайфун, который заворачивается внутри меня.

Слезы катятся по щекам. Не понимаю, это от облегчения или, наоборот, от ужаса, который забивается в каждую пору и сковывает.

Наконец, побеждаю себя, свои страхи...

Это все потом...

Я подумаю о словах Умарова потом...

Сейчас важна Мира, и я сделаю все для нее, все для своей девочки. Поэтому я заставляю себя разомкнуть губы и проговариваю наш адрес, говорю бизнесмену, где сейчас находится дочка...

Марат лишь кивает, а затем подается вперед и ударяет по перегородке, которая отделяет салон от водителя.

На стук сразу же реагируют, и перегородка опускается.

Марат чеканит приказ двигаться в том направлении, которое я указала, и водитель молча исполняет. Перегородка опять поднимается, а я понимаю, что удалось...

Удалось достучаться до этой глыбы, удалось заставить миллиардера дать шанс моей Мирочке, и лишь потом до со-

знания доходит вопрос, который пульсирует у меня в висках:

Какой ценой?

Гнетущая тишина салона больше не нарушается. Я усиленно смотрю в окно, чтобы хоть как-то абстрагироваться от всей этой ситуации.

Но в какой-то момент на секундочку прикрываю веки. Усталость и напряжение дают о себе знать. В последнее время я очень плохо сплю. Ворочаюсь до утра, а если засыпаю, то дремлю беспокойно, вскакиваю в поту и проверяю, как там моя доченька.

А здесь. Рядом с Умаровым, казалось бы, я никак не могла бы уснуть. Слишком страшно. Слишком опасно, но, видимо, после жуткого холода меня размаривает в теплом салоне авто и я упываю.

Меня просто вырубает...

Просыпаюсь, когда автомобиль мягко притормаживает. Распахиваю глаза в ужасе от того, что так расслабилась рядом со зверем, и встречаюсь взглядом с Умаровым.

Мужчина смотрит на меня внимательно. Остро. Скользит взглядом по моему лицу и останавливается на сухих губах, которые я не решаюсь облизнуть, чтобы не привлечь лишнего внимания. Не акцентировать.

А что там, на дне его глаз, я даже не задумываюсь. У меня озноб по спине и мурашки.

– Мы доехали, – чеканит слова и прищуривается. Пухлые ровные губы сжимает в линию, у него желваки на щеках хо-

дят. Злой отчего-то.

Слышу щелчок дверей. Срабатывает разблокировка и я, недолго думая, выскальзываю из машины. Спасаясь бегством от Марата вообще-то.

Выбираюсь и замираю. Разные мысли клубятся в голове, начиная от того, зачем я дала адрес, заканчивая тем, что, в принципе, Умарову и не обязательно видеть Миру.

Все эти трусливые мысли вспыхивают в голове, но я их подавляю, буквально вздрагиваю, когда слышу ровный голос мужчины, который подкрадывается сзади.

– Ты здесь живешь? – спрашивает и смотрит на ветхое здание, а мне почему-то стыдно становится, что мы с дочкой ютимся в маленькой однушке, но это все, что у меня есть, и я благодарна и этому...

Не отвечаю Умарову. Мистер миллиардер привык жить в особняках и летать на частных джетах, а мы с его дочкой живем именно так...

В этом ветхом разбитом здании с порушенной детской площадкой, которую каждое лето обещают починить благодаря множеству жалоб жильцов, но по факту обходятся лишь тем, что окрашивают какой-то дрянной вонючей краской, которая отколупывается уже через месяц.

– Ну, не все живут в частных домах, господин Умаров, – нахожу в себе силы ответить мужчине, на самом деле за бравадой и колкостью скрываю собственный страх.

Почему-то думаю, что совершаю ошибку, приведя Ума-

рова сюда...

Я должна была назначить встречу в больнице, чтобы он пришел и сдал анализы, и все...

Эти трусливые мысли вызывают горькую улыбку на губах. Какова вероятность, что в этом случае Марат не послал бы меня?!

Какова вероятность, что он бы поверил?!

Какова вероятность, что он вообще пришел бы?!

Никакой.

Да и он захотел увидеть дочь, а значит, узнать, где мы живем, для него вопрос одного звонка. Уж лучше так, пусть я побуду гостеприимной хозяйкой, чем мужчина завалится к нам, или еще хуже – пошлет в наш дом своих амбалов и напугает мою дочь...

Каблучки стучат по асфальту, когда я иду в сторону темного подъезда с одиноко висящей мигающей лампочкой...

ЖКХ нам уже неделю обещают ее поменять, но лампочка из фильмов ужасов все висит.

Замечаю, что Умаров кивает своим людям, которые следовали за нами еще на двух внедорожниках. Явно дает приказ остаться в машинах и не следовать за нами.

Раньше у него не было столько охраны, но тогда Умаров еще не был советником президента...

Нажимаю на комбинацию из цифр, служащую кодом, и мы входим в темный подъезд. Я сразу же направляюсь к лестницам. Знаю, что лифт ждать бесполезно. Он работает через

раз, да и скрипит так, что порой страшно становится.

Все гадаю, когда же эта ветошь откажется обслуживать жителей дома.

Умаров ничего не говорит, лишь молча ступает следом. О том, какую ошибку я совершаю, когда ступаю первой на лестничную площадку, я задумываюсь лишь потом, когда понимаю, что мужчина следует за мной, а я ощущаю его взгляд на моей пятой точке.

Вот не знаю почему, вроде и не особо освещение яркое, но я буквально огнем ощущаю его взгляд, скользящий вниз по моей спине.

Все время пока поднимаемся, я уверяю себя, что это мне просто кажется, игра больного взвинченного воображения, но все же огонь прошивает насквозь и я не рискую обернуться, чтобы проверить свою догадку.

Зря я ждала, что и здесь неработающую лампочку починили. Здесь темно, хоть глаз выколи. И я, почти не видя ничего вокруг, иду вверх по лестницам, ощущая на себе острое, как иглы, внимание мужчины. Не удивлюсь, если Умаров может и в темноте видеть, как кошка, хотя нет. Почему кошка. Как пума. Черная хищница с яркими глазами...

– Тут недалеко, – выговариваю тихо.

Делаю несколько шагов по лестнице, как нога становится на что-то круглое, и я теряю равновесие, по звукам понимаю, что это была бутылка, которая полетела дальше, но и я не удерживаю равновесия и лечу назад, в ужасе понимая, что

упаду, но мне не дают.

Сильная рука оплетает за талию и практически ловит в воздухе. Меня прибивают к мощному телу. Ровно на мгновение, которое похоже на яркую вспышку, у меня по коже проходит разряд. По ощущениям Марат стал еще сильнее, шире, крепче. Проклятое сердце пропускает удар. Болезненный. Сумасшедший.

А мне вдруг кажется, что я чувствую легкое касание к своим волосам. Так, словно Умаров принялся своим красивым островатым носом... Будто вдыхает мой запах... И от этого у меня опять просыпаются мурашки, бегут по каждому миллиметру моей кожи, отдаются ознобом в плечах, пока я чувствую его огненное дыхание на затылке...

Глава 6

Чувственное наваждение. Отдающее истомой глубоко внутри. Секундное замешательство. Непозволительна слабость, когда у меня глаза прикрываются и под веками щиплет, в носу щекочет.

Озноб пробегает по плечам, заставляет вздрогнуть. Прежде чем я отшатнусь и, прежде чем с моих губ сорвется просьба, чтобы отпустил, чтобы не смел прикасаться ко мне, прежде чем я отпрыгну ошпаренной кошкой, Умаров сам отпускает меня.

Дистанцируется, а я даже не могу скупно поблагодарить за то, что помог не развалиться плашмя у ног миллиардера.

Сжимаю зубы и иду вперед, держусь за перила теперь уже. Так безопаснее, хотя я и сомневаюсь в их стерильности.

Марат также ничего не говорит, молча следует за мной.

Наконец, преодолеваю пару пролетов и радуюсь тому, что наша с дочкой квартира не на верхних этажах. Останавливаюсь у двери под молчаливым взглядом олигарха, принимаюсь ковыряться в сумочке, искать ключи, которые как сквозь землю провалились.

Не хочу звонить, чтобы не потревожить дочь.

– Черт! Где же они?!

Бурчу под нос и переворачиваю все содержимое сумки.

Миллиардер стоит рядом и смотрит на меня, а я ощущаю

привычный канализационный смрад. Именно подъезды облюбовали некоторые неблагоприятные элементы и пока камер еще никто не поставил – пользуются в качестве общественного туалета.

Глаза обжигает от слез и какого-то странного чувства унижения.

Мне стыдно из-за того места, в котором живу, стыдно...

Хотя это глупо. Мне нечего стыдиться! Нечего!

Я работаю, бегаю как белка в колесе и соержу ребенка! Зарабатываю честным трудом...

Пусть деньги небольшие, но нам с Мирой хватает...

Хватало... до того, как начались вечные анализы, лекарства с баснословно дорогими ценниками...

Пальцы судорожно ищут ключи, я все жду какую-то колкость от бизнесмена, жестоких слов, укора, но Марат упрямо молчит, выдерживая мои попытки отыскать желаемое.

Не могу взять над собой контроль, над чувствами, которые пробуждает во мне этот ненавистный, жестокий мужчина.

Однако и его терпение подходит к концу. Миллиардер совершенно спокойно отбирает у меня сумочку.

– Что ты делаешь? – спрашиваю удивленно, но Умаров с каменным лицом одним движением вытаскивает брелок и протягивает мне.

– Открывай.

Командует. Отдает очередной приказ. Просить Марат ни-

когда не умел. Помню. Такие, как он, привыкли брать. При-
чем все, что пожелают. Сделки, контракты, женщин...

Как и было со мной...

– Ольга... – произносит с нажимом.

И главное, на лице ни единый мускул не дрогнул.

Принимаю из горячих рук ключи и наконец-то справля-
юсь с замком. Открываю дверь в узкий коридор. В нозд-
ри сразу же забивается запах дома, вселяющий спокойствие,
ощущение надежности.

Наша маленькая крепость с дочкой.

Разуваюсь сразу же и скидываю пальто. Не предлагаю ни-
чего из этого своему незваному гостю.

– Оленька, ты пришла?

Из гостиной ко мне выходит соседка, добрейшей души че-
ловек, которая смотрит за дочкой во время моего отсутствия
за символическую плату.

Когда начались проблемы, добрая бабушка даже хотела
отказаться от денег, но я настояла. Не люблю чувствовать
себя обязанной.

– Да, Елена Владимировна.

Женщина переводит удивленный взгляд с меня на Умаро-
ва и на секунду теряет дар речи. Смотрит во все глаза, ко-
мично приоткрыв рот, и я ее понимаю. Видеть здесь, в нашей
реальности, человека из мира денег и власти странно...

А то, что Умаров обременен могуществом, читается в
каждом его жесте, во взгляде, в том, как стоит, развернув

плечи с воистину армейской выправкой.

Пожилая женщина настолько впадает в состояния шока, что не находится что сказать. Помогаю ей вопросом:

– Елена Владимировна, вы уложили Миру, да?

– А? Что?

Теряется на мгновение, но затем приходит в себя и кивает.

– Да-да, Олечка, все хорошо. Мы попили молочка, я почитала сказку, все лекарства выпили, не беспокойся. Спит ангелочек...

Седовласая худенькая женщина улыбается мне и опять переводит настороженный взгляд на Умарова.

– Ну, я пойду? – тянет вопросительно, словно не понимает, что ей делать. Стоит ли оставлять меня наедине с незнакомцем.

Киваю, улыбнувшись.

– Спасибо вам, Елена Владимировна...

– Да что ты, Оля, если что, я за стенкой, стукни, – наконец, выдает угрозой и опять смотрит в сторону Марата.

Выглядит бабуля при этом воинственно, а у меня на душе теплеет, что посторонний человек больше заботы проявляет, чем...

Осекаюсь, не хочу думать о плохом, об отце...

Моем отце, который ничего, кроме бутылки, не видит...

– Ну, тогда до завтра.

– До завтра.

Женщина проходит вперед, но коридор узкий, поэтому

Марату приходится как-то отойти в сторону, чтобы соседка прошла, ожидаю, что он встанет у противоположной стены, но миллиардер, наоборот, останавливается возле меня, нависает скалой и смотрит на меня с высоты своего роста. Буквально кожей ощущаю его взгляд подобно укусу.

Бабуля проскальзывает за его спиной и до того, как я успею среагировать на близость мужчины, советник президента отходит.

Он похож на кобру. Королевскую. Ускользящую. Жалющую. И наблюдающую за тем, как корчится жертва...

Останавливает на мне неподвижный взгляд, а до меня доносится щелчок, сигнализирующий о том, что Елена Владимировна нас покинула.

Не знаю, сколько делятся наши гляделки. Марат снимает пальто. Мужчина в костюме выглядит инородно в моем ветхом коридоре, а вот я вписываюсь.

Мешковатый свитер, юбка и колготки, которые оставляют мокрые следы на паркете. Чувствую, что продрогла, а оставаться во влажной одежде для меня непозволительно. Я не должна болеть и причина не в том, что у меня попросту нет времени отлеживаться, а в том, что нельзя инфекцию в дом приносить, из-за Миры нельзя...

Поэтому я собираюсь и выговариваю спокойно:

– Ванная, – указываю пальцем в сторону двери, – помой руки. Нам не нужны лишние бактерии.

Смотрю в глаза Умарову и разворачиваюсь, иду в указан-

ном направлении сама, включая кран и скрупулезно мою руки.

Не объясняю, почему и зачем, мужчина позади меня обладает поистине острым умом, сам должен догадаться.

Вынимаю из шкафчика чистое полотенце и протягиваю Марату, который подобно хищнику беззвучно последовал за мной.

Смотрит на меня странно, внимательно, цепко, а я устала...

Я как смертник перед казнью, ничего уже не боюсь. Самое страшное уже случилось...

Берет полотенце и проходит вперед, не дает мне выйти из крохотной ванной комнаты, опять подавляет, давит своим тяжелым взглядом, словно кожу мою испаривает, чтобы добраться до нутра, до сердца, которое кровит при каждом взгляде на этого мужчину...

У меня по коже искры летят от его близости, от взгляда по-настоящему мужского. Он смотрит так, будто имеет меня прямо здесь и сейчас...

Спустя паузу, наконец, чуть разворачивается и позволяет мне пройти, я же выскальзываю из ванной и иду в комнату, тихонечко прохожу к кровати в углу, проверяю свою девочку, которая спит подобно ангелочку.

Золотистые волосы крупными кольцами рассыпались по подушке, розовые губки забавно сморщены, и ручка выглядывает из-под одеяла.

Моя маленькая... и такая сильная девочка...

Сердце щемит от нежности, которую испытываю. Поправляю одеяльце и отхожу, быстро переодеваюсь в привычную домашнюю одежду, избавляюсь от мокрых тряпок. Стараюсь быстро все сделать и выхожу из комнаты ровно в тот момент, когда Марат оказывается в коридоре, смотрю молча на мужчину и разворачиваюсь, иду на кухню.

Умаров следует за мной. Я же прохожу в маленькую кухню и встаю у окна, обхватываю свои плечи ледяными руками, даю себе время, чтобы собраться, чтобы начать говорить. Чувствую, разговор будет не из легких.

Дышу тяжело, предпочитая не смотреть на мужчину из своего прошлого. Нужно собраться. А от одного взгляда на Марата у меня сердце начинает отбивать сумасшедший ритм...

Наблюдаю за припаркованными автомобилями. Так странно видеть настолько дорогие машины в нашем дворе. Все, что связано с Умаровым, инородно и чуждо моей реальности...

– Угостишь гостя чаем? – ударяет спокойный голос в спину, и я вздрагиваю.

Разворачиваюсь резко и вдруг кухня становится какой-то слишком узкой, а мужчина напротив, наоборот, излишне громадным. Рядом с ним я пигалица, едва достающая до его мощного плеча.

Приподнимает бровь и в этом блеклом освещении у него

лицо становится каким-то демоническим с полоской света, падающей аккурат на ярчайшие звериные глаза.

– Чаем, Марат? Может, не рисковать? – выдыхаю устало и тру лицо ладонями. – Не боишься, что мне тебя кипятком ошпарить захочется?

Тянет губы в холодной усмешке. Лицо – маска. Не понять, что за ней, но когда отвечает, меня льдом его интонаций прошивает насквозь:

– Мне тоже с тобой много чего сделать хочется, Ольга, однако я же себя сдерживаю. Во всяком случае, пока...

В замешательстве смотрю на Умарова, пока во мне кровь кипеть начинает. Не могу промолчать и спрашиваю с вызовом:

– Например?

Вскидывает бровь и выдает совершенно спокойно:

– Пока не решил, чего хочу больше: шею твою тонкую свернуть прямо сейчас или разложить и поиметь хорошенько, чтобы неповадно было...

И сказано с такой потаенной яростью, что у меня все волосы на коже дыбом становятся от понимания, что Умаров мне не верит!

Он не верит!

Пауза после его слов повисает. Глухая. Тяжелая. Игра в гляделки, в которой я, конечно же, проигрываю, сдаюсь первой.

Поэтому чтобы хоть как-то скрыть свое замешательство,

выполняю просьбу тире приказ Марата.

Все же беру чайник, наполняю его водой и шум струи из-под крана как-то успокаивает. Включаю плиту и поворачиваюсь, чтобы лоб в лоб столкнуться с темным взглядом мужчины, который вальяжно проходит по кухне, отодвигает стул и садится за стол.

Не отнять у него умения выглядит подобно королю в любых условиях. Даже на моей кухне миллиардер выглядит как на очередной своей конференции, кладет руки на стол, скрещивает пальцы в замок и глаз с меня не сводит, этакий терпеливый зритель в ожидании представления.

С трудом выдерживаю тяжесть его взгляда. Умение олигарха продавливать отшлифовано на высочайшем уровне, только я уже не вчерашняя девчонка, так жестоко брошенная им.

– Ты ведь мне не веришь? – выговариваю, устало вздыхая.

– Нет, – рубит словами.

Как всегда прямой, как шпала. А мне становится жутко от того, что мы остались с ним совершенно одни на этой кухне, и я чувствую его ярость каждой клеточкой своего тела, а в его глазах...

Его синие глаза темнеют, превращаются в черные непроницаемые бездны. Страшный он. И, скорее, его слова не угроза, Марат действительно сейчас решает, что именно со мной сделать и в какой последовательности...

Впрочем, ни один из вариантов развития этой ситуации

меня не устраивает.

Понимаю с отчаянием. Что мне во что бы то ни стало надо убедить Марата поверить мне, но я не знаю, как именно это сделать...

Думаю усиленно, пока, наконец, не решаюсь задать вопрос, который не дает мне покоя:

– Неужели ты не хочешь взглянуть на дочь?

Откидывается на стуле, наклоняет голову к плечу. Снайпер, прицеливающийся к добыче.

После моих слов прищуривается. Как прицел фокусирует, а у меня пальцы дрожать начинают, чтобы скрыть тремор, в кулаки их сжимаю, но Марат и этот жест отслеживает.

– На твою дочь? – спрашивает с нажимом, а у меня в горле першить начинает, в глазах жжет.

– У нее есть имя, Марат. Ее зовут Мира...

Смотрит исподлобья. Опасный сейчас. Дикий. С возможностями Умарова он может растоптать меня своими начищенными до блеска ботинками, вкатать в грязь и не заметить этого. Ровно как и сейчас не замечает, какую адскую боль причиняет своим неверием.

– Сколько нужно на лечение?

Спрашивает резко. В голосе рокот грома слышен, а я дар речи теряю.

– Сколько?! – повышает голос и добивает меня, спрашивая: – Пять миллионов? Десять? Пятнадцать? Двадцать? Какая сумма заставила тебя прийти ко мне и умолять, надеясь,

что я куплюсь на фейк о том, что ты родила от меня?!

Каждое слово пощечина. Хлесткая. Болезненная. Выбивающая воздух из груди. Сердце разрывается на части. Марат лично сейчас мне грудную клетку выламывает и достает его, чтобы сжать, чтобы уничтожить все то, что от него еще осталось...

Слезы все же срываются с моих глаз, когда я чувствую, как что-то внутри меня ломается с треском...

Наверное, это моя надежда, которую выкорчевывают с корнем, вырывают безжалостно.

Отворачиваюсь от Умарова и опускаю руки на столешницу, чувствую мягкость деревянного покрытия, сколы и трещинки, фокусируюсь на телесных ощущениях, потому что душевные просто непереносимы...

На что я надеялась, решившись прийти к этому бесчувственному монстру?

– На что я вообще надеялась? – не замечаю, что шепчу вслух.

У меня губы сохнут, язык ощущается шершавым, будто выжженным...

– Убирайся, Марат... Просто уходи отсюда... Ненавижу тебя... Как же я тебя ненавижу...

Выдыхаю с горечью, граничащей с безысходной решимостью.

Не слышу, как мужчина оказывается за моей спиной, просто чувствую аккурат перед тем, как разворачивает меня рез-

ко.

Хватает мой дрожащий подбородок и вглядывается в мои глаза с пеленой непролитых слез. Его лицо размазывается, собирается и рассыпается, пока мои слезы стекают по щекам и падают на его горячие пальцы, которые прожигают меня насквозь.

Опускает взгляд и смотрит на капли, которые стекают по тыльной стороне и исчезают под манжетой дорогой сорочки.

Прикрывает на мгновение глаза, а когда распахивает веки, меня каким-то цунами сносит, которое зарождается внутри его расширенных зрачков.

– Я перечислю деньги на твой счет. Жизнь твоей дочери будет спасена...

От этих слов меня разрывает на части. Просто уносит.

Благородный мужчина, меценат, усиленно занимающийся благотворительностью. Его фонд действительно помог очень многим...

Читала. Знаю. Но. Почему мне его убить сейчас хочется?!

– Господин Умаров готов оплатить лечение ребенка своей лживой бывшей любовницы?!

Шиплю дикой кошкой, а он смотрит на меня своими глазами дымчатыми, звериными, а меня колотить начинает от его запаха, от близости, от любви, что испытывала когда-то, которая переросла в столь ослепительную, выжигающую нутро ярость.

Его рука сжимает с каждым мгновением все сильнее, от

мужчины, нависающего надо мной, веет силой, властью, и, черт возьми, сексом!

Даже сейчас. Когда я хочу впиться и расцарапать его лицо, все внутри меня дрожит от одного касания...

– Почему ты мне лжешь, Оля? – спрашивает хрипло, а сам нижнюю губу мою ласкает большим пальцем, не знаю, отдает ли себе отчет в том, что делает. – Почему так стремишься, чтобы разорвал тебя на части?!

А я словно бороться перестаю. Принимаю свою участь. Будь что будет, если я достучаться до него не могу, все равно единственный, кто в состоянии нам помочь – это он... Марат...

Качаю головой и спрашиваю со всем отчаянием, плещущимся внутри:

– Почему ты ни на секундочку не можешь допустить мысль, что Мира твоя дочь?

В глазах у него в этот момент что-то вспыхивает и гаснет. Хватка на моем подбородке усиливается.

Меня прошивает насквозь осознанием, что Марат даже мысли не допускает, что он может быть отцом моей девочки...

– Без вариантов, Оля...

Мотаю головой, пытаюсь отделаться от его хватки. Кажется, что я сейчас готова биться с ним на смерть.

– Я твой вариант! Марат! Я! – повышаю голос, почти рыдаю. – Мне не нужны твои проклятые деньги! Миллионы

твои не нужны!

Бьюсь в его руках, пытаюсь вырваться, а он меня все сильнее сжимает, не отпускает.

– Ненавижу! Тебя! Забирай свои миллионы и убирайся из моего дома, проваливай! Сожалею, что решилась прийти к тебе, если бы ты знал, как я сожалею...

Ударяю кулачком по его плечу, но больно делаю лишь себе, а он словно с ума сходит, подхватывает меня за попу и на столешницу бросает, одним ударом колена ноги мне раздвигает и становится посередине, нависает скалой, а я теряюсь.

Как когда-то давно, когда его плечи от меня все закрывали, и я впивалась в них, царапалась и уплывала в пелене наслаждения...

Смотрит так, что у меня все внутри переворачивается.

– Сожалеешь, значит...

Проговаривает грозно. У него настроение меняется резко. От ледящего душу холода до обжигающего пламени.

Марат давит. Подавляет.

– Да. Сожалею, – отвечаю с вызовом, с яростью, и вижу, как лицо Умарова искажается от эмоций. Кадык дергается на мощной шее, скулы белеют, верхняя губа приподнимается, как у хищника, который обнажил клыки в оскале.

– Мне не деньги твои нужны, а биоматериал отца моей дочери! Твой биоматериал!

Цепляюсь за его широкие плечи, царапаю, пытаюсь оттолкнуть, но Умаров похож на скалу, даже на миллиметр

сдвинуть не получается.

Ударяю его по плечам и в какой-то момент просто срываюсь в истерику. Я столько себя сдерживала, столько держалась, чтобы сломаться вот сейчас, под немигающим взглядом бездушного мужчины.

Меня колотит, накрывает со всей силы, и я закрываю лицо руками, вздрагиваю и трясусь, гашу свои рыдания, чтобы не потревожить ребенка.

Нельзя быть сильной все время. Видимо, я держалась за надежду, за то, что смогу все же достучаться до отца своей девочки, а сейчас, столкнувшись с таким каменным отказом, меня накрывает...

Истерика набирает обороты, я же кусаю запястье, чтобы не начать выть, намеренно причиняю себе боль и в какой-то момент кажется, что прогрызу кожу до крови, но именно в этот миг слышу, как Марат ругается.

– Оля!

Грубые слова слетают с его губ, а затем он отдергивает мою руку, не позволяет навредить себе, и я не успеваю сориентироваться, не успеваю понять, что происходит, когда горячие губы накрывают мои дрожащие и соленые от слез.

На меня будто лавина обрушивается, сметающая все на своем пути, дикая, свирепая. Фиксирует мое тело, как в тисках, пальцами в мои волосы впивается, натягивает так, что искры из глаз летят, когда целует со всей жестокостью, словно наказывая, заставляя прийти в себя, выбивает меня из лап

истерики самым действенным способом.

Марат не ласкает. Это наказание. Жесткое. Яростное. Несколько секунд моего замешательства, которые он использует, забивая язык мне в рот, целуя так, что перед глазами искры зажигаются, фиксируя рукой мой затылок, чтобы не могла отпрянуть, чтобы чувствовала его... Его запах, вкус... и это все отголосками болью в сознании, потому что не забыла...

Потому что помню, каким горячим и страстным может быть этот бездушный мужчина...

Кусаю его за губу, пытаюсь отпрянуть, шиплю, а он за шею меня держит, заставляет сердце колотиться и сходить с ума.

Целует так больно, что я дергаюсь, а он рычит, все сильнее меня сжимая, кажется, еще чуть-чуть и кости раскрошит в дикой хватке.

И я вдруг понимаю, что отчаяние и истерика отпускают...

На смену им приходят злость, желание бороться...

Наконец, оттягивает меня от себя за волосы и смотрит на меня. Глаза в глаза. И взгляд у него какой-то сумасшедший. Дикий. Будто сжигает дотла или придушить готов. У меня все тело мурашками покрывается от голода, который проскальзывает в этом яростном взгляде.

На мгновение кажется, что мы опять в нашем прошлом. В том самом дне, когда Умаров меня выгнал. Так же смотрел. В тот самый миг, когда сказала, что беременна. Словно убить готов.

А мне казалось, что любил...

Ненависть это, припорошенная похотью. Желанием обла-
дать.

Секундное помутнение проходит, и Марат делает шаг на-
зад, отпускает меня, а я неуклюже слезаю со столешницы.

Жуткий писк заставляет вздрогнуть. Чайник пищит, сиг-
нализируя, что кипяток готов.

– Выключай, – командует Марат и голос опять холодный,
а мужчина выглядит совершенно собранным.

Выключаю плиту и убираю чайник в сторону. Моя исте-
рика проходит, а я вытираю дрожащими пальцами щеки, все
жду, что Умаров развернется и уйдет, хлопнув дверью, но он
медлит.

– Тебе действительно нужен мой биоматериал? – спраши-
вает холодно, ударяет в спину.

Поворачиваюсь к нему, чтобы просто кивнуть.

– Да. Не твои деньги, Марат. А ты. Твоя кровь, если хо-
чешь.

Хмурится и продолжает сканировать меня взглядом. А
я буквально нутром чувствую его внутреннюю борьбу, его
неверие и что-то еще проскальзывает в его глазах... то, чему
у меня нет объяснения.

– Каков твой план? Твои предложения? – наконец, спра-
шивает, словно мы на совещании и не он только что так
яростно вбивался в мой рот, пробуя меня на вкус, будоража
мое тело, которое после него словно в спячке было.

– Завтра с утра мы отправляемся в больницу, в которой лечится моя дочка, ты сдаешь все анализы, и мы ждем ответ и надеемся на совместимость.

Кивает. Но это не ответ. Словно мои слова к сведению принимает.

– Название больницы?

Спрашивает по-деловому. И я даю всю информацию, вплоть до адреса строения.

– Имя лечащего врача?

– Виталий Генрихович, мы можем быть у него с самого утра и...

Марат опять приближается, заставляет меня буквально вжаться попой в столешницу.

Хмурится. Лицо – маска. Не прочесть.

– Мы сделаем не так, моя дорогая... – выдает спокойно, пальцами к моей щеке прикасается, ласкает, мягко, но за этой нежностью скрывается каменная хватка, – я проверю информацию относительно недуга твоей дочери, к утру вся информация будет у меня, а дальше...

Делает паузу, ловит большим пальцем мою слезу, которая скатывается по щеке...

– Будет другая клиника и врач, которому я доверяю, анализы и ответ...

Его огненная рука соскальзывает с моей щеки и опускается на горло, где с бешенством бьется яремная венка, Марат ласкает, но за этой лаской скрывается нечто иное, темное,

жгучее, от чего у меня внизу живота все полыхает...

– Если ты мне лжешь, Оля... Если только ты мне лжешь...

Пальцами вцепляюсь в его руку, царапаю, чтобы отпустил, но, конечно же, ничего не добиваюсь.

Смотрю в дымчатые глаза мужчины и спрашиваю с отчаянием:

– Почему ты не хочешь даже допустить мысль, что Мира твоя дочь?

Тянет губы в улыбке, злой какой-то, горькой.

– У меня диагноз, Оленька, не на пустом месте. И не в одной клинике я обследовался. Лучшие врачи. Лучшие! И я не только про страну. Я про мировой уровень! Даже больше скажу, в свое время не осталось анализов, которые не сдал, и результат был приговором. Моя сперма непригодна даже для ЭКО. Я бесплоден на девяносто девять и девять десятых процента, как это принято говорить в медицинских кругах.

Выговаривает все и отпускает меня, а я сопротивляться перестая, отталкивать его прекращаю. Смотрю в потрясающе глубокие глаза мужчины и переварить пытаюсь услышанное.

По лицу Марата рябь словно проходит и на долю мгновения что-то откликается в моем сердце.

Каково это, быть настолько могущественным человеком и иметь такой диагноз, без возможности иметь наследников и познать счастье отцовства...

Для такого мужчины, как Умаров, безусловного лидера,

не умеющего уступать ни в чем, этот приговор действительно тяжкое бремя.

– Ты поэтому меня выгнал тогда? – вопрос слетает с губ прежде, чем я понимаю, что именно сказала.

Каменеет весь, плечи, кажется, что шире становятся.

– Я не терплю лжи, Ольга. Не прощаю, когда меня хотят обвести вокруг пальца. Любой, кто рискует – получает отпор. Я стираю в порошок конкурентов и врагов. Не щажу. Но тебя... тебя я пожалел тогда... отпустил...

– Ты это называешь “пожалеть”, Умаров?! – выдыхаю со всей яростью.

Ухмыляется.

– Ты даже не подозреваешь, насколько жестоким я могу быть...

Качаю головой. Как раз я-то и понимаю, но ничего не говорю. Умаров играет по законам своего мира. Тогда... В нашем прошлом... Я помню, каким взглядом его провожали женщины и с каким благоговейным ужасом смотрели мужчины.

Так просто на верхушку пищевой цепи не забираются. Можно быть бесконечно наивной, но не видеть очевидного просто невозможно.

– И сейчас тебя спасает только твоя дочь, ради которой ты идешь на это безрассудство.

Смотрит на меня и его дымчатые глаза словно инеем покрываются. Ненависть. Злость. Вот, что я вижу. И приговор,

который Марат мне вынес. Ничего не изменилось.

– Ноль одна десятых процента, Умаров, а что если твое семя дало плоды, что если наивная глупышка, которая любила тебя, для которой ты стал первым – забеременела? Что, если я носила под сердцем твоего ребенка, а ты выкинул нас на улицу, посчитав, что мы тебе не нужны?!

Теряю самообладание и повышаю голос, мне кажется, что на осколки сыплюсь сейчас, разбиваюсь вдребезги, когда Умаров на меня смотрит дико, алчно, скользит по мне взглядом и неожиданно бьет кулаком по столу. Сильно. Так, что огромный старый деревянный монолит подпрыгивает и ударяется ножками об пол.

– Не лги мне! – рычит зверем. – Не смей!

Отшатываюсь, когда шаг ко мне делает. Леденею вся, а он мне в глаза смотрит.

– Один к миллиарду. Один к триллиону.

Вскидываю подбородок, готовая биться за свое.

– Я не была ни с кем, кроме тебя! – почти рыданием. – Черт возьми, я до сих пор не спала ни с кем, Умаров!

Нависает надо мной, проводит пальцем по моей скуле, к губам и за подбородок ловит. У него ноздри вздуваются, растерзать меня готов, ссорились пару раз с ним, когда Умаров меня ревновал, такие столкновения всегда заканчивались сексом, когда Марат брал меня дико, неистово.

– Пусть крохотный, невозможный, но шанс! Чудо! А что, если Мира – твое чудо?! Единственный шанс на отцов-

ство?! – голос дрожит, ноги слабеют от него такого.

Горячего. Сексуального. Необузданного.

Не забыла его. Не смогла. И тело горит от одного взгляда, от прикосновения, от похоти, которая полыхает напополам с лютой ненавистью.

– Что, если я не вру?! – твержу упрямо и Марат ухмыляется, не верит он, шанса себе просто на надежду не дает, скорее всего.

– Если это так, то я уже сказал, что сделаю. Оля. Ты отдашь мне ребенка.

Замахиваюсь, чтобы ударить, чтобы дать выход своей боли, которая выплескивается из меня.

Ловит мою руку не напрягаясь, притягивает к себе, а я чувствую, насколько он сильный, горячий, каждый мускул чувствую.

– Я не оставлю свою дочь, Умаров, хоть на куски меня режь, я не отдам тебе Миру! – выдыхаю с шипением, а он лицо к моему наклоняет.

– Я буду с тобой делать очень многое, Оля... Все, что захочу...

Выдает жарко, обдает меня своим пылом, желанием. С ним всегда было так. Все на грани...

Дергаюсь из его рук, приходя в ужас от того, что я реагирую на его близость, от того, что все еще Марат имеет какую-то странную власть надо мной, не знаю, чем бы закончилась наша перепалка, если вдруг до слуха не дошел бы тон-

кий голосок.

– Мама...

Марат сразу же, как по щелчку, выпускает меня из своих рук и отходит в сторону, оборачиваясь на ребенка, замирает извоянием.

Чуть отодвинувшись, он дает мне возможность увидеть в дверном проеме мою малышку с растрепанными светлыми волосами и в розовой пижаме с веселыми принцессами. Дочка замирает. Хлопает сонными глазками пару раз.

Смотрит на Умарова. Совсем еще крошка, не любит посторонних. Она привыкла ко мне и к нашей соседке, а вот посторонних всегда опасается.

Молчаливая пауза длится слишком коротко. Мира вдруг поджимает пальчики на босых ногах.

Забываю обо всем, что только что здесь творилось. Быстро подхожу к дочке, чтобы она не испугалась незнакомца у нас в кухне, но Мира наклоняет голову к плечу и от Умарова глаз не отводит.

Чувствую, что Марат вызвал у дочки интерес. Удивляюсь, когда Мира улыбается, совсем не боится, наоборот, с любопытством смотрит на Умарова, а у меня сердце болеть начинает.

Застываю на месте. Чувствую давление в позвонках. Мне становится больно. Невыносимо. Нестерпимо. Напряжение звенит в каждой косточке. Мне всегда казалось, что Мирочка копия Умарова.

Правда, я не знаю, каким он был в детстве, но я находила сходство всегда, а сейчас с каким-то уколом в сердце понимаю, что все же дочка не похожа ни на кого из нас.

Просто для меня она стала частичкой Умарова, и я всегда в ней видела его...

А вот сейчас я жалею, жалею, что визуально малышка не походит на отца. Марат крепкий, сильный, кость широкая, лицо волевое, а моя девочка легкая, как перышко, нежная, с воздушной копной золотистых волос.

Одуванчик...

С рождения ее так зову. Мой пушистый улыбчивый малыш. Она и родилась с волосиками, которые распушились потом и вызывали улыбку у медсестер.

Из воспоминаний меня вырывает тонкий родной голосок.

– Ты плинц? – спрашивает, забавно сморщив носик, и смотрит своими заспанными глазами на нашего ночного гостя.

Оборачиваюсь на миллиардера, который внимательно рассматривает девочку. Но по лицу опять ничего прочесть не могу. Самой же хочется понять, не дрогнет ли его холодное сердце, не почувствует ли он что-то, но я наталкиваюсь лишь на каменную стену.

– Нет. Меня зовут Марат, – отвечает спустя короткую заминку.

– Малат... – повторяет моя малышка, коверкая имя, и улыбается светло-светло, так, как только она умеет, затем пере-

водит взгляд на меня и чуть приглушает голос, словно секретом делится: – Мама... он такой класивый... плинц...

Улыбаюсь горько. Моя девочка...

Ее тянет к отцу.

Обычно она не любит чужих, не подпускает к себе, а тут глаз отвести не может от высокого статного мужчины, который возвышается скалой за нашими спинами.

– Ты почему проснулась, лапочка?– спрашиваю, обеспокоенно присматриваясь к личику дочки, пока у нее нет симптомов недуга, нет болей, но врач предупреждал, что все может начаться внезапно. Говорил, что нужно быть готовой и искать того, чей биоматериал идеально подойдет моей малышке и вернет ей шанс на полноценную жизнь и здоровье.

Маленькие детки излечиваются, шансы есть, но время...

Время – мой враг и у нас его почти нет.

Если не успеть вовремя, моя дочка...

Обрываю горькие мысли. Не сейчас. Не думать.

– Пить хочу, бубую... – произносит моя малышка и опять зачарованно смотрит на Умарова.

Называет бутылочку на свой лад, и я прикрываю глаза. Пока еще все хорошо. Переживаю секундную слабость и беру дочку на руки. Она у меня почти невесомая, легкая, как дуновение ветерка, сотканная из света.

– Сейчас, золотко мое...

Несу Миру обратно в кровать, ощущая, как ее тонкие ручки обхватывают меня за шею. Как доверчиво льнет ко

мне моя девочка, как легонько кладет голову ко мне на плечо.

Сердце щемит от нежности, от обиды и боли. Такая маленькая и такая сильная моя малышка, отвергнутая собственным отцом, вынужденная бороться за жизнь с первых дней...

– Сейчас, моя хорошая...

Прохожу в комнату, укладываю малышку, даю бутылочку с водой, провожу пальцами по шелковистым волосикам, тихонечко напевая колыбельную, успокаивая и успокаиваясь. Мне есть ради кого жить, есть ради кого бороться и я обязательно справлюсь, мы справимся...

Хоть малышка не видела отца, но характером она в Умарова. Пока это только зачатки, но я чувствую в ней силу, дух, упертость.

Иначе бы мы не выдержали, не прошли через все то, что проходим...

Моя дочурка засыпает моментально, а я ручку ее держу, взгляда оторвать не могу. Наконец, заставляю себя отпустить крохотные пальчики.

Убедившись, что все хорошо, встаю и поворачиваюсь к дверям, чтобы увидеть Марата, замершего на входе. Не могу ничего прочесть по его каменному лицу. По глазам, которые становятся какими-то беспросветными темными безднами.

Не знаю, сколько он стоял здесь, наблюдая за нами. Что видел? Что чувствует? Сама теряюсь, потому что Умаров

врезается в нашу привычную с дочкой жизнь тараном, становится свидетелем интимного, личного...

Он смотрит мне в глаза. Не моргает. А я устало тру лицо. Господин советник президента, в отличие от меня, умеет держать лицо в любых ситуациях.

Наконец, мое оцепенение спадает, и я иду к мужчине, каждый шаг словно прыжок в бездну, босиком по стеклам, сбивая ноги в кровь, странно, что паркет остается чистым и без следов.

Я думала, что на сегодня запас всех моих переживаний исчерпан, но жизнь доказывает, что я слишком часто ошибаюсь.

Замираю в дверях. Под пристальным взглядом Умарова, который даже не думает отойти и дать мне пройти.

– У тебя красивая дочь, Оля. На тебя похожа... – произносит задумчиво, словно мысли вслух, а я не выдерживаю, продолжаю за него:

– У нее твои глаза, Раг... твои глаза...

Прикрывает на мгновение тяжелые веки, хмурится и у него морщинка поперек бровей акцентируется, а мне почему-то разгладить ее хочется, провести пальцем и убрать.

– Голубые... Ольга... у нее голубые глаза... – выдыхает рвано и на меня смотрит, не моргает даже...

Глава 7

Марат Умаров

– Марат! Марат Умаров! Ты нужен своей дочери!

Крик, прорывающийся сквозь гул толпы, сквозь гром, заставляющий меня окаменеть и развернуться, чтобы увидеть летящую по улице девушку. Такую знакомую незнакомку.

– Твоей дочери нужна помощь! – кричит, с вызовом глядя мне в глаза, и ее голос сплетается с громом, с молнией, которая сверкающей вспышкой поражает меня, заставляет не двигаться и потерять контроль на долю секунды, в течение которой я рассматриваю голубоглазую блондинку в скромном коричневом пальто.

Скользну взглядом по лицу без косметики, по нежной белоснежной, бледной коже, которую ласкают капли дождя, проскальзывая по чистому овалу, по покатоному лбу и прямому острому носику, кусает губы, впивается в них жемчужными зубами, заставляя нижнюю покраснеть.

Прижимает аккуратные ладони к груди в сакральном жесте, словно молится божеству, но святых здесь нет, только демоны ада, которые рвутся с цепей, взбешенные и разбуженные криком девушки из прошлого...

Все такая же худенькая, миловидная, воздушная, с копной пшеничных волос, которые сейчас приобрели темный оттенок выжженной ржи, мокрыми прядями прилипли к вискам.

Опять смотрю в ее голубые глаза, наполненные отчаянием.

Именно тем чувством, которое бросает человека в крайности, заставляет совершать опасные и опрометчивые поступки.

Такие, как сейчас.

Сумасбродные.

Потому что иначе никто не решится кричать на многолюдной улице советнику президента о том, что у него есть дочь...

Пока еще не отдаю себе отчета в том, что делаю, срабатывают инстинкты, даю команду своим людям, которые оперативно приходят в движение, отсекая девушку от толпы.

Не давая ей возможности скрыться...

Смотрю в глаза блондинки, вижу в них влагу – это не дождь, который усиливается с каждой секундой и омывает улицу и людей литрами воды. Это именно слезы, которые набухли в глазах, придавая им болезненный горячечный отблеск.

Вспышка. Камера. Охранники работают. Ликвидируют возможные кадры сегодняшнего происшествия.

Хотя если что и проскользнет в сеть, продержится недолго. Есть целая операционная система, срабатывающая на мои имя и фамилию, зачищающая всю ненужную информацию.

Это обычный уровень стратегической безопасности, который срабатывает лишь на нескольких человек в стране, кото-

рые входят в ближний круг президента, среди которых числятся мои инициалы.

– Марат... дорогой... – слышу голос своей спутницы на вечер, ощущаю, как пальчики с длинным маникюром впиваются в руку сквозь материю моего пальто, пытаюсь удержать.

Приходится приложить усилия, чтобы грубо не отцепить от себя клешню очередной пассии, которая нафантазировала себе слишком многое.

Сейчас девица рядом меня интересуется не больше дождевых капель на моих ботинках. Нечто иное поднимает в груди голову. Дикое. Злое. Непростительное.

Это нечто долбит мне разум, когда я фокусирую взгляд на лице дрожащей под дождем девушки.

Ее пухлые розовые губы без помады шепчут только одно слово, которое я просто читаю по бесконечному движению:

– Прошу... прошу... пожалуйста...

Мольба, отчаяние и боль...

Не сыграть такой палитры чувств даже профессиональной актрисе с наградами, которая сейчас стоит рядом со мной.

Искренность в каждом движении ресниц, в каждом взмахе, в голубых озерах беспросветного отчаяния, которое льется на меня неконтролируемой лавиной.

– Прошу... прошу... пожалуйста...

О чем она меня молит?

О помощи? О том, чтобы не убивал?

Не уничтожил за то, что нарушила мой приказ и все же

появилась в поле моего зрения?

Ольга...

Имя девушки, дрожащей под дождем, всплывает в памяти. Более того, я его и не забывал. Оно горит внутри, отдаваясь пеплом и прахом, как обычно бывает после дичайшего пожара, который смел все на своем пути, уничтожил, разрушил, развеял по ветру все то, что когда-то было между нами...

Секунды на то, чтобы принять решение. Для того, чтобы убрали девушку из моего прошлого с глаз долой, чтобы не видеть, но...

Вместо логичного я цепляюсь за ту фразу, которую она кричала, и кровь закипает в жилах, становится лавой, магмой, что струится по венам.

Дочь...

Она кричала про дочь...

Мою дочь...

Ярость вспыхивает подобно жгучей отраве и я киваю охраннику, одним взглядом даю понять, чтобы отвел мою незваную гостью в машину.

Ну что же, Оленька, ты сама пришла ко мне и опять разбудила зверя...

Прохожу в здание. Мероприятие, которое я должен посетить, сразу же теряет значимость в моих глазах.

В принципе, я прихожу сюда только для того, чтобы выпустить пар. Чтобы дать себе время.

Нет. Не так. Чтобы дать время Ольге...

Пока сижу за столом и особо не прислушиваюсь к разговорам, перед глазами один единственный кадр...

Девушка в моих руках, которая говорит мне то, чего быть не может. Чего я так жаждал когда-то, но кто-то там высоко решил распорядиться иначе...

– Я беременна, Марат...

И мир летит к чертям. Секундами ранее я держал в руках трепетную блондинку с облаком шелковистых волос, в которые мечтал окунуться все время, пока отсутствовал, вдохнуть ее запах...

Ваниль и яблоки... Чистота горного родника и кристальная искренность...

Такой я видел девушку, которая стала женщиной подо мной...

Бокал в руке дает трещины, хрустит, но не разбивается.

Никогда никого не щадил. Карал за предательство. Потому что есть истина, которой следую – предавший раз... как там говорится, предаст еще раз? В моей интерпретации тот, кто предал единожды, до второго раза просто не доживает.

Таков мой мир. Никаких слабостей. Никакого прощения за проступки...

И она...

Девушка в белоснежном платье, босая, летящая ко мне в руки по лестницам, с радостными голубыми глазами, которые похожи на море, спокойное, тихое... Полный штиль.

Моя гавань, в которую я мог прибиться после изматывающих будней.

И вдруг этот штиль превратился в чистейший шторм, а меня выбило и вкус гнили во рту, потому-то родниковая вода оказалась болотом...

Трясиной, которая поглотила и отравила...

Ольга...

Шалость. Всего лишь увлечение...

Так было вначале. Глаз выцепил скромняшку на улице. Черт меня тогда дернул выйти из автомобиля и подойти.

Вот так вот просто, банально. На улице. Увидел белокурую девушку в смешной полосатой шапочке, в которой было намешено больше цветов, чем в радуге. Увидел профиль.

Острый носик, как у лисички, улыбку и один лишь поворот головы...

Не знаю, почему вышел из автомобиля и пошел по тротуару. Просто захотелось рассмотреть девушку на остановке поближе. Увидеть. Не водилось такого за мной.

Обычно по первому слову все в руки шло, а тем утром захотелось...

Встал рядом на разбитой остановке с покошенной лавкой. Ничего не говоря. И малышка почувствовала чужое присутствие. Обернулась. Невысокая, хрупкая, забавная в своей полосатой ядреной шапке. Бросила на меня удивленный взгляд кристальных голубых глаз и улыбнулась.

Дежурно. Дружелюбно. Просто в знак приветствия и от-

вернулась опять, усиленно что-то продолжая искать в рюкзаке, испещренном нашивками...

Совсем простая. Не похожая на женщин, которые вереницей входили в мою жизнь и вылетали так же.

Вот так вот просто с одного взмаха ресниц, с одного вдоха понравилась. Вблизи оказалась забавной и ее ямочки на щеках, которые появляются при улыбке, я запомнил.

Сразу словно загазованный воздух столицы стал чище...

Наблюдал за незнакомкой... Заинтересовала растеряша – потеряша. А то, что она что-то посеяла, становилось явным, как день...

Наконец, девушка, отчаявшись найти свою пропажу, повернулась ко мне и опять улыбнулась...

А я впервые смотрел, изучал с интересом. Я перестал знакомиться с девушками лет с пятнадцати. Смысла не было...

Младшего сына Фахры Умарова знали все...

А сейчас смотрел на девушку в шапке “вырви глаз” и впервые мне захотелось познакомиться.

Просто сказать “Здравствуй” и услышать ее голос, узнать, что скажет в ответ на банальное приветствие.

Пока я думал, девушка опять обернулась ко мне. В ранний час никого на остановке. Только я и она...

– Здравствуйте...

Ее голос. Нежный. Негромкий. Без привычных ноток страха, пресмыкания и желания услужить.

– Привет, – отвечаю, не сводя глаз с лица...

Симпатичная. Юная. В глазах словно искорки зажигаются, когда улыбается...

Что-то есть в этом личике без макияжа. Не привык к таким чистым лицам. Да еще и шапка зачетная...

– Простите, пожалуйста, кажется, я посеяла свой мобильник...

Кусает губку нижнюю, позже я узнаю, что она так всегда делает, когда расстроена или же переживает...

Вскидываю бровь. Становится интересно, что скажет девушка с остановки дальше.

– Можно позвонить с вашего телефона? Я коротко. Мне буквально несколько секунд, чтобы сказать, где буду ждать... – мешкает, глазки голубые так забавно сверкают.

А я вдруг неожиданно напрягаюсь. Что-то в груди царапает. Если вдруг скажет, что мужику своему звонить собралась, образ милой и забавной девушки распадется на частички.

Но девушка выдает, видимо, смущаясь того, что просит: – Подруге... она мне конспекты должна вернуть... вот... вы извините... мне очень неудобно, что прошу...

Действительно что-то ее смущает. Щечки розовеют и виновато взгляд в землю упирает, отводит.

Интересно, это она так пугается, что деньги на звонок потратит чужие?

Забавная.

Молча отдаю телефон и наблюдаю за девушкой.

Быстро набирает номер и на меня не смотрит, опять

всматривается в дорогу, видимо, ждет, когда подойдет маршрутка или автобус. Губки кусает. А я наблюдаю за ней. Интересные реакции, словно стыдится.

– Привет. Это я. Да... я на остановке. Да, у меня. Куда подойти? Но как же... я... Хорошо...

Передает мне, больше не улыбается. А в глазах что-то проscalъзывает. То, что интуитивно чувствую, но вот не придаю значения. Списываю на то, что малышка просто не очень умеет общаться с незнакомыми мужчинами, зачем-то стоящими на остановках.

– Спасибо вам!

Киваю. Но не ухожу. Засовываю ладони в карманы и смотрю на девушку, и опять замечаю, как щеки у нее розовеют.

Давненько не наблюдал этого явления, а она вдруг разворачивается и с остановки уходит, не ждет больше своего автобуса, а я вслед ей смотрю. На то, как помпончик на шапке при ходьбе дергается.

Иду следом. Будто кто-то хлыстом по спине ударяет и за поводок тащит. А девчонка в мыслях своих.

– Так куда надо подойти? – спрашиваю и девушка запинаятся в шаг.

Бросает на меня взгляд через плечо и опять улыбается.

– Планы поменялись.

– А куда идешь тогда?

– В кафе. Тут пара-тройка остановок всего. Быстрее пешком дойду, чем транспорта столько ждать.

Опять улыбается смущенно.

Ежится. И я понимаю, что для этой погоды девушка одета слишком легко. Обращаю внимание на обувь. Не по сезону.

Я одет так же легко, но, в отличие от хрупкой незнакомки, во-первых, я закаленный мужик, кровь горячая, а во-вторых, я просто за ней из машины вышел... Не помню, когда просто так по улицам шел. За девушкой. Да и не было такого...

– В кафе? – не упускаю момент.

– Я там официантка. А так в универе учусь еще...

Отворачивается, чтобы дальше идти, а я замечаю, как она украдкой на руки дышит, согревает.

– Давай подвезу, – предлагаю и внимательно слежу за удивлением в глазах незнакомки, когда опять на меня смотрит.

– Так вы же вроде на остановке транспорт ждали? – прищуривается умилительно подозрительная малышка.

Не верит. В чем-то права.

Я без тачки. В спортивных штанах и куртке, наверное, девушка принимает меня за простого. Тем и интереснее становится.

– Не ждал. Стоял просто, – отвечаю лаконично.

– А, – выдает, кивая, а в глазах искорки.

Нравится. Черт возьми. Вот так с первого взгляда. Нравится. Не просто нравится, а тянет. Она еще только рассматривает меня, а я уже знаю, что моя...

Что своей сделаю...

Во всех смыслах цепляет. Желание будит. Но помимо всего вызывает и что-то новое, не завязанное на инстинктах...

Пока не нахожу этому объяснения...

– Это странно, – наконец, отвечает.

– Всему есть причины.

Молчит и плечами пожимает, опять улыбается.

– А вы не маньяк? – наконец, оттаивает малышка и заставляет меня улыбнуться в ответ.

– Нет. Разве что немного сталкер, – включаюсь в интересный разговор.

Глазки свои широко распахивает. Правда, чуть запоздало понимает, что шутка это. Вздергивает носик и выдает, едва сдерживая смех:

– Если бы все сталкеры такими были, к вам бы в очередь выстраивались, но вот я точно с незнакомыми мужчинами в машинах не езжу...

Да еще и кивает, подчеркнув важность сказанного.

Ухмыляюсь пигалице. Не знаю, чего мне больше хочется. Взвалить ее к себе на плечо и утащить в берлогу, минуя конфетно-букетный, которого у меня в принципе не бывает, или еще немного дать возможность поупражняться в остроте язычка.

– Почему же незнакомыми?! – отвечаю спустя долгую паузу. – Я Марат. Мы теперь знакомы. Можно на ты.

Опять улыбается светло-светло, словно солнышко озаряет все вокруг.

Колеблется.

И сдаётся...

– А я Оля...

Глава 8

Выныриваю из воспоминаний и ставлю стакан на стол. Уже потом... Однажды...

Я пробую этот номер, чтобы узнать, что он никогда не принадлежал ее подруге...

Ложь и обман с первой секунды. С первого дня встречи с этой девушкой с лицом сирены, а нутром...

Морщусь, опять вспоминаю ее, стоящую под дождем. Как дрожала и смотрела мне в глаза, не боясь...

Как тряслась.

Поднимаюсь со своего стула.

– Дорогой, ты куда? – сразу же порывается ко мне моя спутница, ловит за руку, а я накрываю ее пальцы с длинным маникюром.

Наклоняюсь к ней, и женщина улыбается победоносно, демонстрируя всем собравшимся, что имеет на меня какие-то права. Фиг знает, что она себе напридумывала. Понимаю, что пора с этим завязывать, поэтому произношу ей на ухо:

– С чего ты взяла, что имеешь право задавать мне вопросы?

Вздрагивает. Смотрит на меня расширенными зрачками, а улыбка на лице меркнет, затухает, словно и не было ее.

– Прости...те... господин советник, – шепчет, стремительно бледнея.

Любой, кто находится в моем окружении, подписывает контракт о неразглашении. Даже такого рода отношения я регламентирую.

Чтобы не было неожиданностей и прочего, как однажды...

Злость поднимается вихрем, проносится по венам каленым железом. Я думал, что пережил эти чувства, думал, что переварил, но женщина из прошлого появилась и все словно снова вскипело.

Все планы отодвигаю. Отмахиваюсь от людей, которые жаждут, чтобы уделил беседе несколько минут. Все отходит на второй план.

В висках бьется крик Ольги...

Дочь...

Она кричала, что моей дочери нужна помощь...

Пальцы сжимаются в кулаки, и я переживаю приступ дикой ярости.

Больно. Черт возьми. Это больно. Смотреть в глаза женщины, предавшей и обманувшей раз, чтобы опять услышать то, чего быть не может...

Выхожу под дождь. Холодные капли бьют по лицу, но не останавливают, не подавляют пыл.

Взгляд останавливается на машине, в которой сейчас заперта Ольга. Резким и размашистым шагом иду к ней.

Распахиваю дверь и сажусь рядом. Поворачиваю голову и сталкиваюсь с бесконечными сверкающими от слез озерами.

Такая нежная. Заплаканная и все такая же невероятно

красивая. Ранимая. Повелся уже однажды на эту обертку, а потом...

Все ложь.

Смотрю на нее молча. Окидываю цепким взглядом. Скромная одежда прилипла к телу и перестала быть таковой. Передо мной порочная соблазнительница с приятными округлостями.

С влажным блеском на пухлых губах, словно она только что облизнула губы в предвкушении. Все жилы вздуваются, натягиваются от желания свернуть ей шею, хотя... есть еще кое-что. И это кое-что отзывается пульсацией в теле.

Отодвигаю все свои порывы и задаю вопрос, который интересует больше всего:

– Просветишь, о какой дочери речь?

Девушка заметно теряет. Бледнеет. Хотя, казалось, куда уж больше...

Молчит и играет с моим терпением.

– Я жду ответ. Ты тратишь мое время, Ольга.

Называю ее по имени. Даю понять, что ничего не забыто. И я хорошо помню, чем пригрозил ей, если появится в моей жизни снова, как, впрочем, и она вспоминает, а может, и не забывала, так как глаза у нее распахиваются широко.

– Повтори, что ты кричала на улице... – с нажимом, – мое время слишком дорого стоит, чтобы тратить его впустую!

Вспыхивает. Горит. Говорит свое и оглушает...

– Я о твоей, еще раз, о твоей дочери говорю, Умаров!

Выдыхаю. Сцепляю зубы. И еще раз бросаю взгляд на Ольгу.

– Ее зовут Мира. Эта девочка твоя точная копия с дымчато-синими глазами и она нуждается в тебе, ты ей нужен, Марат!

Пока говорит, у меня все внутри переворачивается и пальцы сжимаю в кулаки, чтобы не прибить...

– Я прошу тебя помочь маленькой девочке, Рат...

Называет сокращенно. Как когда-то давно, и меня накрывает, подаюсь вперед, хватаю, чтобы не вздумала отпрянуть, и цежу вопрос:

– Почему ты решила, что ей могу помочь только я?! Деньги нужны? Так ты мне чужих детей не навязывай, я и благотворительностью занимаюсь. Оставила бы заявку моему секретарю, тебе бы помогли... Зачем ты мне лжешь?! Зачем?! Я же сказал тебе, что если еще хоть раз увижу...

– Потому что ты ее отец...

Не могу я быть отцом. Не могу. Не с моим диагнозом. Но девушка напротив этого не знает. Талдычит свое про ДНК, про помощь, а я смотрю на нее и понимаю, что Ольга в отчаянии.

Она просто мать, которая пытается спасти своего ребенка, но вот спускать подобную аферу я не собираюсь. Смотрю на Ольгу и понимаю, что, несмотря на все, она меня будоражит. И бешусь от этого еще больше.

– Ты понимаешь, с каким огнем сейчас играешь?! – ры-

КОМ.

– Понимаю.

Ну раз так, малышка, тогда будь готова идти до конца, о чем ей и говорю:

– Если ты солгала, Оля, не пощажу, но если... если это правда, я заберу дочь. А ты вернешься в мою постель...

В каждом слове. В каждой букве – правда.

Кажется, моя давнишняя болезнь опять дала о себе знать, заставила вспомнить прошлое, но самое страшное то, что я и не забывал...

Я должен был отпустить ее, послать людей, чтобы следили, сделать все, что угодно, но я решаю ехать с ней. Мы приедем в один из спальных районов. Не самый лучший край города, разбитые улицы, ветхость и неработающие фонари.

Иду за Ольгой, наблюдаю, узнаю ее заново...

Примерно понимаю, в каком отчаянии может находиться мать, раз идет на такую аферу, а условия, в которых она живет, лишь подтверждают то, что игра идет ва-банк.

Оставляю охрану и поднимаюсь с ней. Хорошо, что не идет к лифту, я сильно сомневаюсь насчет его пригодности, да и вообще отмечаю для себя, что в этот район, скорее всего, уже завтра нагрянет проверка из центра.

Нельзя, чтобы так нарушались нормы безопасности. Здесь люди живут. Дети и старики. Они вынуждены пользоваться лифтом, но, судя по всему, давно не было технических работ.

Неожиданно в темноте на лестницах Ольга поскользывается

ется. Грохот бутылки говорит о том, что это не игра “упади в руки мужику”.

Немного заминки у дверей, и я захожу следом за своей бывшей любовницей. Сразу цепким взглядом подмечаю детали. Маленькая квартирка. Ремонт старый. Убитый. Но во всем уют и ухоженность, даже в салфетках, которые понатыканы в виде дизайна.

Забавная соседка, почти пригрозившая мне полицией, ванная, в которую Оля отправляет меня мыть руки...

Все это воспринимается мной очень странно. Особенно когда Ольга выходит ко мне, переодевшись в убитый свитер и лосины, которые обтягивают ее длинные ноги.

Домашняя. Какая-то уютная. Проходит в кухню, а я на мгновение смотрю в сторону комнаты, где ребенок ее спит.

Но не могу туда войти. Словно камень там стоит. Ревность какая-то, что огнем горит, ведь ее дочь подтверждение ее лжи...

– Не угостишь гостя чаем?

Вопрос и ее ответ. Вызывающий ухмылку. А затем...

Я даже не понимаю, как нападаю на ее сочные губы, сжимаю Ольгу в своих руках, обрушиваюсь и получаю удар.

Ее вкус, запах... Меня пьянит как в первый раз. Как когда-то давно, когда в моей жизни появился трепетный солнечный лучик.

Когда я оставлял дела, стремился домой, в особняк, где меня ждала маленькая нежность.

Девушка, которой был опьянен настолько, что ни о чем думать не мог.

Возненавидел, вытравил этот яд из своей крови, но стоило Ольге вновь оказаться на моем пути, как все летит к чертям, все ограничители. Все стоп-краны. Я пью ее губы, сминая, ощущаю на языке пьяную вишню, горько-сладкую, с привкусом ненависти. Пальцы накрывают ее плечи, сдавливают, проскальзывают вдоль выпирающих позвонков.

Худенькая. Невесомая. Узкая талия, которую могу обхватить, уходящая в покатые крутые бедра, а вот грудь... увеличилась... трогаю приятную тяжесть и ловлю чувственный стон, слетающий с ее губ...

Она даже себе отчета не отдает в том, насколько она сейчас горячая, чувственная, манящая.

И за те чувства, которые эта бестия будит во мне, я зверею еще больше. Пальцы сжимают все сильнее, до синяков, до рваных вдохов, которые я слизываю с ее губ.

Ее ладони на моей шее, зарывается пальцами в мои волосы, тянет, царапает, а я коленом ей ноги раздвигаю.

Меня накрывает. Такого не было давно. Чтобы во всем теле прострел. Чтобы так ненавидеть и хотеть женщину, чтобы не знать, хочешь ее заласкать или разорвать в клочья, уничтожить!

За ложь. За надежду. За боль, которая проскальзывает в каждой молекуле моего тела, и остановиться, получить ледяной укол в самое сердце.

Оттолкнуть. Потому что целовать эту женщину смерти подобно. Можно не остановиться. Можно сжать ладони сильнее и разломать ее позвонки.

Прикрываю глаза.

Прихожу в себя, а она все на больное давит. Все свое говорит. Хотя я уже сказал ей, что помогу, что денег дам, врачей подключу.

Дети не в ответе за чужие грехи и ее дочь не виновата...

Но Ольга упрямо твердит, что эта девочка моя дочь, и я не знаю, что сделаю с ней за ту крупницу сомнения, которую она пытается зародить в моей душе.

Именно за это Ольга ответит. Ответит за надежду, которую с отчаянием смертника хочет привить мне. Но играть мы будем по моим правилам и никак иначе.

Моя клиника. Мои врачи. А дальше...

Дальше я говорю ей, что будет. По-любому зря она пришла ко мне и решила вскрыть нарыв, который и не заживал вовсе...

Нависаю над женщиной, которая до сих пор будоражит кровь, будит всех моих демонов и останавливаюсь, словно с размаху на стену бетонную натыкаюсь, пулевое и ножевое одновременно получаю, когда в спину мне летит тихое и удивленное:

– Мама...

Разворачиваюсь, как от удара кнута, и замираю, когда взгляд цепляет маленькую тонкую фигурку белокурого пу-

шистого ангела в розовой пижаме.

Босая. Заспанная. С огромными голубыми глазами – кристально чистыми озерами...

Однажды я уже залип на этих глазах. В другой жизни, наверное, и вот сейчас на меня так же смотрит уменьшенная копия Ольги...

Маленький одуванчик с воздушными локонами – кудрями.

– Ты плинц?

Спрашивает и глаз от меня не отводит. Восторженных каких-то. Горящих чистейшим детским интересом.

– Нет. Меня зовут Марат.

– Малат...

Совсем крошка...

Даже мое каменное сердце дает трещину. Дети не должны болеть. Дети не должны страдать. Свои или чужие – неважно...

Но малышка не выглядит больной.

А вот реакция Ольги меня поражает. Она срывается к девочке, осматривает ее, как если бы та поранилась. Держит маленькие ладошки в своих руках.

Хмурюсь и провожаю мать и дочь взглядом, когда Ольга уносит девочку. Сам иду следом.

Замираю в дверях и наблюдаю за ними. Подобно вору, покусившемуся на чужое...

Под ребрами печет и болит.

Девочка засыпает, а Оля, словно опомнившись, поднимается и обращает на меня свои голубые глаза, в которых плещется океан любви и боли...

Идет в мою сторону, а я ей дорогу преграждаю. А потом оглушаю своим решением:

– Планы поменялись. Ольга. Вы с девочкой едете со мной.

Глава 9

Оля

– Планы поменялись. Ольга. Вы с дочкой едете со мной.

Если бы его голос мог замораживать, я бы сейчас превратилась в ледышку и разбилась бы на тысячи мелких хрусталиков у его ног.

У меня горло сводит от желания заорать, от желания заколотить по этой мощной груди, вцепиться в Умарова, но здесь спит моя дочка, так что я подавляю в себе этот порыв и молча стою, ожидая, когда, наконец, Марат уйдет с дороги и освободит мне путь.

А он и не спешит посторониться. Смотрит на меня своими дымчато-синими глазами. Холодными, как льды северного океана. В то время как меня всю лихорадит.

Наконец, делает шаг в сторону, иду на кухню. Достāju бутылку с водой из холодильника и пью, как если бы в пустыне была, так сухо на языке.

Стоит отнять бутылочку от губ, как сталкиваюсь взглядом с Умаровым, который самым наглым образом не исчезает, а разглядывает меня.

– Я с тобой никуда не поеду.

Выдаю по слогам. Не отвечает. Просто молчит в ожидании, что еще скажу.

– Ты понимаешь, что сейчас ночь на дворе, у меня ребен-

нок спит вообще-то... Да и... Боже!

Оставляю бутылку на столе, тру лицо, пытаюсь собраться с мыслями.

– Просто назначь время и дату, мы с Мирой подойдем для сдачи анализов...

Часть меня отказывается верить, осознавать, что Умаров не просто пригрозил вернуть меня в свою постель, он действительно начал выполнять сказанное, демонстрируя, что у него слова с делом не расходятся.

– Ты пришла ко мне. Просила о помощи. Нет. Не так. Ольга. Ты проорала о том, что у меня есть дочь, на улице, кишащей людьми...

В удивлении рот распахивается и я в шоке смотрю на собранного Умарова, на то, как он смотрит на меня чуть снисходительно, как на доставляющего проблемы взрослому дяде ребенка.

– Ты. Ольга. Подставилась! – цедит, теряя свое видимое самообладание, делает шаг ко мне, а я отшатываюсь, упираюсь в стол и впервые сожалею, что у меня настолько маленькая квартирка, где и разойтись с таким гигантом, как Марат, не получается.

– Я... я...

– Да. Ты.

– Послушай...

– Нет. Я уже выслушал тебя. Теперь слушать будешь ты.

Заставляет меня замолчать. Упирает раскрытые ладони в

стол, надвигается на меня, как нечто неотвратимое. Как таран, который въехал в мою жизнь и сбивает все на своем пути.

– Я не последний человек. Более того, я тот, кому доверяют секретную информацию. Я приближен к власти и человеку, который руководит страной. И ты на весь мир заявила, что у меня есть ребенок, Ольга!

Губы дрожат от него такого сейчас. Подавляющего. Темного.

– Ты понимаешь, к чему я клоню?

"К моей гибели?"

Мысль зарождается в мозгу, но я не рискую ее произнести вслух, но сердце кричит о том, что я сейчас сглупила. Сильно. Сглупила, когда посчитала, что смогу повернуть то, что задумала, без жертв и тяжелых последствий с моей стороны.

Да я вообще не думала. Перед глазами была лишь моя дочка и врач, который с сожалением заявил, что я не подхожу, что нужен другой родитель, нужен отец...

Прикусываю дрожащую губу. Умаров умеет довести до икоты одним лишь взглядом, он умеет давить. Это его суть такая. Нутро. Аура тяжелая.

У меня тело деревенеет, пальцы не слушают.

– Марат... просто сдай биоматериал и забудь о нас...

Кривая ухмылка на четких пухлых губах подобна пощечине.

– Странные создания женщины... нелогичные... от слова

– совсем. На что ты надеялась, Ольга?

Вскидывает бровь, приближает лицо ко мне еще ближе и выдыхает интимно:

– Ммм?

– Я не знаю, Марат... просто помоги моей дочери...

Голос звучит слишком жалко. Умом я уже понимаю, какие последствия будут у моего поступка.

И это страшит до икоты. Я, наконец, словно вижу происходящее со стороны. И осознаю весь ужас последствий...

Ведь мужчина, замерший передо мной, наделен властью, масштаб которой я даже не предполагаю. Советник президента, человек, который держит в руках рычаги управления страной...

Мои мысли пререзает голос Умарова, вспарывает как нож масло и сладкой патокой льется, когда мужчина наклоняется к моему уху и шепчет доверительно:

– Кажется, моя умненькая несносная девочка, наконец, начинает понимать, во что вляпалась, так, Оленька?

Опять заглядывает мне в глаза. Кто я и кто Марат Умаров? Я обычная девушка, жизнь у меня тяжелая, но обыкновенная, и вообще все это время я вела себя неприметно. Почти затворница. Я и дочка... столько проблем было, что я ничем не интересовалась, а потом Мира заболела и мой мир еще больше закрутился вокруг дочки, в то время как Марат личность известная, медийная, что ли...

Осознаю, что никогда у нас с Мирой не будет как прежде,

растревожила я зверя и теперь он встал в стойку и ждет одного моего неловкого движения, чтобы напасть...

– Ну что же, Оля-ля?

– Ты не оставляешь мне выбора, прогибаешься, – отвечаю, прикрывая веки, – ты совсем не изменился...

Чувствую касание крепких пальцев, ведет по моей щеке и заправляет выбившуюся прядку за ухо.

– Это ты себе не оставила выбора, Оля. Ты поставила себя и свою дочь под удар. Несмотря на то, что моя служба безопасности уже зачищает всю информацию, которая могла проскользнуть в медиа, люди, которые ищут уязвимость и слабость Марата Умарова, уже информированы о городской сумасшедшей, которая отчаянно кричала о том, что у советника президента есть тайная дочь...

Отклоняется от меня, отходит.

– Кто-то из конкурентов может списать на бред. Но вот один из тысячи или из сотни заинтересуется. И к тебе придут гости, Оля, люди, которые захотят услышать твою историю...

Марат предельно деликатно описывает мне реалии своего мира, а у меня пальцы дрожать начинают, прикрываю рот и смотрю на высокую фигуру, даже на глаз вижу игру мышц под одеждой.

Реагирует на мой всхлип и упирает в меня немигающий тяжелый взгляд.

– Я – ваша защита, Ольга, шанс на то, что твою дочь не похитят, желая добраться до меня...

Произносит фразу, от которой у меня ноги подкашиваются, не знаю, как на пол не падаю, просто смотрю в каменное лицо Умарова, на его холодную решимость и понимаю, что если я сейчас его выгоню, упрусь и скажу, что он нам не нужен...

Черт возьми!

Нужен! Этот ужасный мужчина нам нужен и с каждым мгновением это осознание все тяжелее, оно придавливает грузом и пониманием неотвратимости происходящего. Ощущаю, что я запрыгнула в поезд на разгоне и теперь мчусь в неизвестном направлении.

Отворачиваюсь и упираю руки в стол раскрытыми ладонями, как секундой ранее делал Марат, тепло дерева успокаивает.

Дышу через раз, собираюсь и говорю, наконец, то, что должна:

– Мне нужно собраться, нужны вещи, лекарства... я не могу вот так вот сразу бросить все и ехать с тобой, Умаров... мне нужно немного времени...

Тишина за спиной. Кажется, что Марат ушел, но его тяжелый взгляд я спиной чувствую, каждой клеточкой, и замираю, ощущая, что совершила ошибку, повернувшись к хищнику, кажется, что сейчас он набросится, пригнет к столу и возьмет то, на что претендует.

– А если у тебя нет этого времени? – вопрос летит в спину, и я вздрагиваю. – Что если кто-то уже с маленькой армией

едет сюда, что если вся информация о тебе уже пробита и у людей есть факты на руках относительно того, что однажды ты, Оля, была моей любовницей и по датам все сходится...

Прикрываю веки. Кусаю губы.

По датам...

Умаров не верит мне... не верит... Но...

Даже несмотря на свою упертость, несмотря на то, что считает, что не является отцом моего ребенка, он предлагает мне свою защиту.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.